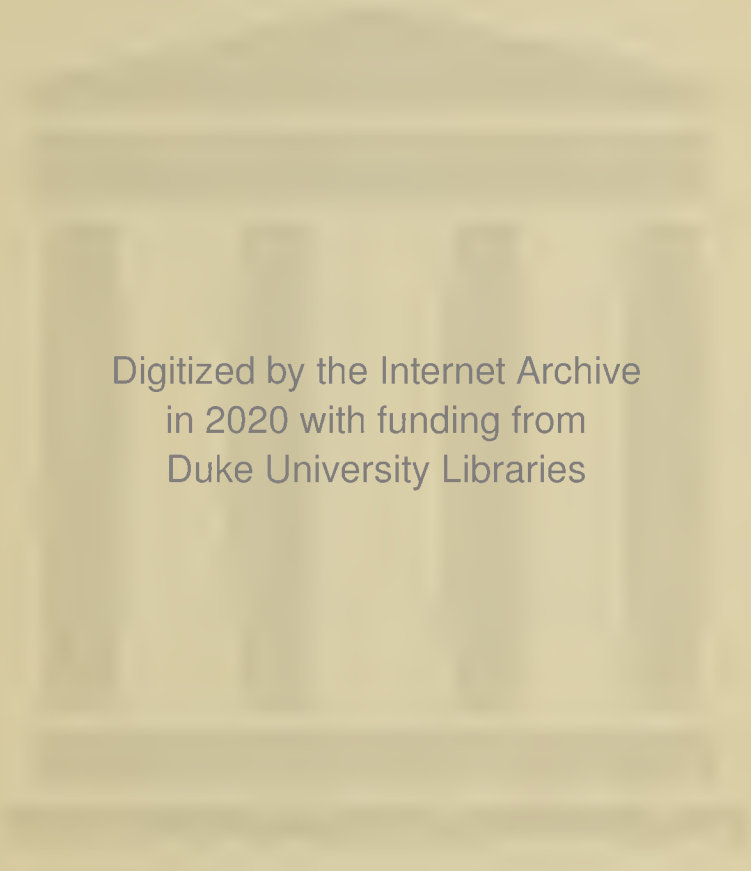
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY


Digitized by the Internet Archive
in 2020 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/pravdaorusskoide01shpi

[illegible]

ПРАВДА О РУССКОЙ ДЕРЕВНѢ.

[illegible]

[illegible]

1910 г.

С. А. ШПИЛЕВЪ.

ПРАВДА
О РУССКОЙ ДЕРЕВНѢ.

РАДОМЪ.
ТИПО-ЛИТ. „Я К. ТРЖЕБИНСКІЙ"
1910 г.

323, 34
S 559 7

Содержаніе.

		Страницы.
I	Земельный вопросъ передъ Г. Думой . . .	3— 7
II.	Пробѣлъ статистики	7—11
III.	Темная деревня	12—15
IV.	Цивилизованная деревня	15—19
V.	Частная задолженность крестьянъ и вліяніе ея на рѣшенія сельскихъ сходовъ	19—22
VI.	Объ осеннемъ и зимнемъ наймѣ на сельско-хозяйственныя работы крестьянъ и объ отношеніи ихъ къ договорамъ о наймѣ	22—27
VII.	Объ отношеніи нанимателей къ договорамъ о наймѣ и о матеріальныхъ послѣдствіяхъ для крестьянъ осенняго и зимняго найма	27—33
VIII.	Нужна ли крестьянская община?	33—38
IX.	Крестьянскіе передѣлы	38—43
X.	Охрана земли	43—47
XI.	Къ вопросу о пьянствѣ въ деревнѣ	47—54
	Вмѣсто заключенія	54—55

507516

UNIVERSITY

ОТЪ АВТОРА.

Чтобы сказать всю правду о русской деревнѣ, необходимо было бы написать нѣсколько объемистыхъ томовъ и если я такъ назвалъ свою небольшую брошюру, то лишь имѣя въ виду по мѣрѣ силъ освѣтить, на основаніи собранныхъ мною данныхъ, тѣ стороны деревенской жизни которыми въ настоящее время особенно интересуется общество и о которыхъ чаще, чѣмъ о другихъ вопросахъ изъ той же области, пишутъ въ газетахъ всѣхъ направленій.

Если поэтому читатель и не согласится съ моими взглядами на указанные здѣсь недуги деревни, тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, онъ не сочтетъ потерянымъ то время, которое употребитъ на прочтеніе настоящей брошюры, такъ какъ фактическая сторона деревенскаго быта мною изложена съ фотографическою точностью, съ чѣмъ, я полагаю, согласятся люди самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на деревню, но одинаково хорошо знакомые съ ея жизнью.

Русскую деревню наше интеллигентное Общество слишкомъ мало знаетъ, а потому чѣмъ больше будетъ сообщено о ней свѣдѣній и мнѣній, тѣмъ скорѣе и правильнѣе можетъ быть рѣшенъ земельный вопросъ во всемъ его объемѣ.

С. А. Шпилевъ.

507516

I.

Земельный вопросъ передъ Государственной Думой.

Если земельный вопросъ до сего времени даетъ поводъ къ нескончаемымъ постоянно обостряющимся спорамъ, то не потому, чтобы онъ самъ по себѣ былъ слишкомъ сложенъ, а потому главнымъ образомъ, что для рѣшенія его не имѣется достаточныхъ статистическо-экономическихъ свѣдѣній. Обстоятельство это открываетъ большой просторъ людямъ, желающимъ дѣлать разныя тревожныя предположенія на счетъ будущаго и рисовать самыя мрачныя картины экономической жизни крестьянъ, безъ всякаго риска быть уличенными, по меньшей мѣрѣ, въ сгущеніи красокъ.

Еще задолго до Особаго Совѣщанія, а именно въ 1896 году, гр. Витте въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1897 годъ категорически высказалъ, что для финансово-экономическаго управленія необходимо знать, „въ какихъ частяхъ нашего народнохозяйственнаго организма возникли недуги и насколько весь организмъ сохранилъ силы для того, чтобы содѣйствовать излеченію своихъ больныхъ частей". Но на этотъ животрепещущій и уже тогда очень жгучій вопросъ не послѣдовало отвѣта даже со стороны тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые жили и живутъ среди народа и которые обвиняютъ правительство въ бездѣйствіи.

Для разрѣшенія этого вопроса пришлось въ послѣдствіи образовать Особое Совѣщаніе съ мѣстными комитетами, но и отъ этихъ послѣднихъ не получилось категорическаго отвѣта на вопросъ. Свѣдущія лица,

созванныя для того, чтобы узнать отъ нихъ причины оскудѣнія крестьянъ, отвѣтили длинной политической программой, имѣющей очень отдаленную связь съ дѣломъ улучшенія экономической жизни крестьянскаго населенія.

Хотя въ Особое Совѣщаніе было представлено много записокъ отъ отдѣльныхъ лицъ, считавшихъ себя свѣдущими въ крестьянскомъ дѣлѣ и кромѣ того собрался огромный матеріалъ отъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, но, къ сожалѣнію, первыя, судя по тѣмъ запискамъ, которыя были напечатаны въ *Вѣстникѣ Финансовъ*, представляли собою, за рѣдкими исключеніями, ни что иное, какъ кабинетныя размышленія, часто очень далекія отъ дѣйствительной жизни, а второй, какъ видно было изъ газетныхъ свѣдѣній, заключалъ въ себѣ лишь общіе взгляды на разныя нужды крестьянъ. Кромѣ того многіе комитеты чисто экономическій вопросъ свели на политическій.

Въ первую линію они выдвинули крестьянскій „правовой порядокъ".

Конечно, этотъ порядокъ заключаетъ очень много недостатковъ, но не по причинѣ его оскудѣло крестьянство, а въ силу цѣлаго ряда экономическихъ и моральныхъ недуговъ, отъ правового порядка совершенно независящихъ, относительно которыхъ и должно быть рѣшено, въ какихъ именно частяхъ народнохозяйственнаго организма они возникли, а главное, насколько этотъ организмъ сохранилъ живительную силу.

Но, къ сожалѣнію, свѣдѣній этихъ нѣтъ, такъ какъ никто и никогда ихъ съ этою цѣлью не собиралъ, а потому обстоятельство это и будетъ несомнѣнно главнымъ препятствіемъ при обсужденіи въ Г. Думѣ земельныхъ вопросовъ.

Правда, что и въ земскихъ управахъ, и въ казенныхъ палатахъ, и въ крестьянскихъ присутствіяхъ можно найти много по этому предмету данныхъ, конечно только экономическаго характера, но, во-первыхъ, чтобы ихъ собрать, а главное привести въ систему, потребуется много труда и времени, а во-вто-

рыхъ, всетаки и этого будетъ недостаточно, чтобы отвѣтить на вопросы, почему обѣднѣло то или другое селеніе, такъ какъ матеріалъ этотъ собирался не съ этой цѣлью, а для разрѣшенія разныхъ другихъ вопросовъ.

Будь на лицо подобныя изслѣдованія по каждому селенію, собранныя по одной общей для каждаго раіона программѣ, вопросъ о томъ, *гдѣ* и *какъ* можно поднять благосостояніе крестьянъ, облегчился бы настолько, что пожалуй немного о чемъ пришлось бы и спрашивать „свѣдущихъ лицъ", а вмѣстѣ съ тѣмъ стало бы вполнѣ извѣстно, какому селенію, сколько и какой (пашня, луга, пастбища) земли не хватаетъ.

Малоземелья, какъ общаго народно-хозяйственнаго недуга, по мнѣнію однихъ, не существуетъ, а по мнѣнію другихъ оно явленіе неоспоримое, не требующее какихъ-либо подтвержденій и едва-ли даже не представляетъ собою единственный народнохозяйственный недугъ, исцѣленіе котораго вызоветъ тотчасъ же постепенный ростъ крестьянскаго благосостоянія.

Такъ, очевидно, смотрѣлъ на это дѣло и г. Кутлеръ, выступившій съ проектомъ отчужденія земель въ пользу крестьянъ, а затѣмъ и члены 1-й Думы, видѣвшіе въ прирѣзкѣ земли чуть ли не полное рѣшеніе земельнаго вопроса.

Конечно, если бы недостатокъ полевыхъ угодій былъ единственною или, по крайней мѣрѣ, главнѣйшею общею причиною оскудѣнія крестьянъ, то тогда прибавкою земли, пожалуй, исчерпывался бы, хотя на время, весь вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ, но малоземелье вовсе не единственная, не общая, **а во многихъ случаяхъ даже и не главная причина этого оскудѣнія**.

Съ другой стороны, нельзя судить по голымъ статистическимъ цифрамъ, мало или достаточно земли у крестьянъ, но необходимо принять во вниманіе и всѣ остальныя хозяйственныя и нравственныя условія разсматриваемаго селенія; въ противномъ случаѣ, можно впасть въ такую грубую ошибку, которая приведетъ къ самымъ неправильнымъ выводамъ, что слу-

чится и съ членами Думы, если у нихъ не будутъ въ распоряженіи *подробныя свѣдѣнія* объ условіяхъ быта крестьянъ каждой губерніи, такъ какъ голословныя заявленія, что земли мало, не могутъ служить основаніемъ для какихъ бы то ни было широкихъ законодательныхъ реформъ.

Напримѣръ, въ Царствѣ Польскомъ размѣры крестьянскихъ надѣловъ такъ ничтожны, что необходимо было бы, руководствуясь голыми цифровыми данными статистики, прійти къ заключенію, что въ названномъ краѣ малоземелье является безусловно главнымъ народнохозяйственнымъ недугомъ. Между тѣмъ даже въ Кѣлецкой губерніи, которая по минимальнымъ надѣламъ представляетъ исключеніе среди всѣхъ десяти губерній Царства Польскаго, недугъ этотъ пока въ общемъ не только не главный, но во многихъ даже такихъ мѣстностяхъ, гдѣ на каждую усадьбу приходится менѣе $1^1/_2$ десят. земли, его можно считать прямо не существующимъ въ смыслѣ серьезнаго вліянія на зажиточность крестьянъ.

Къ этому необходимо добавить, что способъ собиранія цифровыхъ данныхъ для разныхъ статистическихъ сборниковъ пока настолько несовершененъ и настолько далекъ отъ какого-либо контроля, что необходимо съ очень большою осторожностью пользоваться этими данными, причемъ не всегда слѣдуетъ считать ихъ за прочный фундаментъ, на которомъ во всѣхъ случаяхъ можно строить свои выводы.

Вотъ почему при отсутствіи подробныхъ изслѣдованій о бытѣ крестьянъ, разсужденія о разныхъ реформахъ въ дѣлѣ улучшенія этого быта должны носить характеръ академическихъ споровъ, а въ худшемъ случаѣ будутъ давать поводъ къ возбужденію умовъ картинами крестьянской нужды, на яркія краски для которыхъ не поскупятся сторонники отчужденія земель.

Такимъ образомъ, крестьянскій вопросъ и по сіе время представляется клубкомъ спутанныхъ нитокъ, который необходимо начать „распутывать“, его безполезно было бы „разрубать“ въ смыслѣ передачи всѣхъ земель крестьянамъ, такъ какъ для справедливой

раздачи земель все равно необходимо опредѣлить кто, гдѣ и отчего страдаетъ, потому что страдать можно и отъ многоземелья, т. е. если земли много, но она бездоходная, а платить за нее надо какъ за доходную.

Слѣдовательно, если ставить земельный вопросъ на разсмотрѣніе Г. Думы, то ставить его надо сначала въ тѣхъ видахъ, чтобы рѣшить, какимъ образомъ собрать необходимыя свѣдѣнія объ условіяхъ быта крестьянъ и въ какомъ видѣ представить ихъ Думѣ для безошибочнаго рѣшенія этого вопроса.

Обладая такими свѣдѣніями, Г. Дума, во-первыхъ, разъ навсегда положитъ конецъ возбужденію населенія путемъ изображенія въ извращенномъ видѣ положенія крестьянъ и, во-вторыхъ, будетъ имѣть возможность, опираясь на факты, не допускать никакихъ зажигательныхъ рѣчей на заманчивую тему о „земельномъ голодѣ". Да, вѣроятно, и тѣ ораторы, которые ждутъ момента, чтобы пустить потоки возбуждающихъ рѣчей, откажутся отъ роли народныхъ печальниковъ, зная, что крики; „это не вѣрно", „этого никогда не было", будутъ не выраженіемъ безсильнаго негодованія, а серьезнымъ протестомъ, основаннымъ на неопровержимыхъ данныхъ.

II.

Пробѣлъ статистики.

При каждомъ собраніи народныхъ представителей на сессію, они несомнѣнно не упустятъ случая, чтобы не коснуться той или иной стороны быта крестьянъ. Трудно впрочемъ и не заговорить объ этомъ, когда не только не рѣшенъ главный вопросъ о томъ, чѣмъ болѣетъ деревня, но еще, благодаря спорамъ о ея благѣ, возникло много новыхъ вопросовъ, не отвѣтивъ на которые едва ли возможно объяснить причины народныхъ недуговъ.

Въ виду однако того, что въ настоящее время очень многія понятія значительно измѣнились, причемъ цѣлый рядъ предметовъ оказался въ совершенно новомъ, небываломъ освѣщеніи, сужденія о деревнѣ представляются, ссобенно трудными и запутанными, тѣмъ болѣе, что ею долгое время почти совсѣмъ не интересовались.

Поэтому спорящія стороны, за неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній о предмѣтѣ спора, обыкновенно топчутся на одномъ мѣстѣ и ограничиваются лишь голословными утвержденіями, не вызывающими къ себѣ рѣшительно никакого довѣрія.

„Деревня бѣдна потому, что она пьетъ и пропиваетъ свое достояніе", утверждаютъ одни.

„Деревня пьетъ потому, что она бѣдна и въ винѣ топитъ свое горе" возражаютъ противники ихъ.

„Русскій мужикъ пропьетъ все что только можетъ пропить; онъ готовъ пропить и землю и лошадь и телѣгу", пессимистически заявилъ въ Г. Думѣ, ко всеобщему удивленію, одинъ изъ крестьянскихъ представителей.

„Русскій мужикъ, слышатся возраженія оптимистовъ, если бы даже былъ способенъ пропить жену и дѣтей, тѣмъ не менѣе не пропьетъ земли, которую любитъ больше всего на свѣтѣ".

Ни та, ни другая сторона ни въ чемъ не хочетъ уступить, а потому вопросъ о значеніи и причинѣ пьянства въ деревнѣ такъ и остался открытымъ, не смотря на всѣ старанія депутата Челышева.

Совершенно въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи находится и другой, не менѣе важный вопросъ о необходимости расширенія площади крестьянскихъ земельныхъ угодій или о загадочномъ „малоземельѣ", такъ какъ, не смотря на разрѣшеніе его Г. Думой въ положительномъ смыслѣ, по прежнему остается еще очень много категорически отрицающихъ огульное малоземелье.

Не имѣя достаточно данныхъ для подтвержденія своего положенія, ихъ увѣренія, что малоземелья въ Россіи нѣтъ и быть не можетъ, конечно никого не удо-

влетворяютъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать большого значенія приводимаго отрицающими малоземелье факта, что въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ крестьяне владѣютъ землею въ меньшемъ размѣрѣ и при томъ худшаго качества, чѣмъ ихъ собратья въ черноземныхъ губерніяхъ и по сіе время нѣтъ рѣчи о такомъ оскудѣніи, которымъ давно страдаетъ большая часть русскаго крестьянства самой плодородной полосы.

Любопытно въ этихъ нескончаемыхъ и безплодныхъ спорахъ то, что почти всѣ проповѣдывающіе и пишущіе о благѣ народномъ смотрятъ на народъ, какъ на какую то грандіозную машину, которую необходимо лишь обильно смазывать, чтобы она равномѣрно работала, не шипѣла и не скрипѣла. Говоря иначе, они считаютъ крестьянскій вопросъ чисто экономическимъ, полагая, что всѣ потребности крестьянина исчерпываются удовлетвореніемъ чувства голода и очень немногочисленныхъ первобытныхъ жизненныхъ удобствъ Но это равносильно почти полному отрицанію или, по крайней мѣрѣ, умаленію до минимума духовной стороны простого народа, которая существуетъ даже у животныхъ, способныхъ и при сытости скучать и озлобляться. Между тѣмъ подавляющее число лицъ, причисляющихъ себя къ категоріи прогрессивныхъ „служителей народа", только и говоритъ о томъ, чтобы дать возможность крестьянину быть сытымъ; и найди они въ самомъ дѣлѣ такой волшебный modus vivendi, при которомъ крестьянинъ былъ-бы всегда сытъ, то тогда навѣрно крестьянскій вопросъ считался бы ими удовлетворительно разрѣшеннымъ, а постоянно ускользающее изъ рукъ народное благо окончательно водвореннымъ на мѣсто постояннаго жительства. Поэтому, слушая единичныя и робкія заявленія о томъ, что „не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ", „служители народа" лишь иронически улыбаются.

Справедливость, однако, требуетъ отмѣтить, что во всѣхъ самыхъ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ по крестьянскому вопросу можно найти много горькой правды, но, къ сожалѣнію, въ спорахъ о причинахъ оску-

дѣнія крестьянства отсутствуетъ даже малѣйшій намекъ на возможность подобнаго оскудѣнія не только отъ причинъ чисто экономическихъ, но точно также вслѣдствіе крупныхъ дефектовъ въ нравственной области простого народа.

Вглядываясь-же попристальнѣе въ жизнь нашего крестьянства, проникаясь его заботами и радостями, легко убѣдиться въ томъ, что матеріальное благосостояніе его, о которомъ теперь такъ много говорятъ и хлопочутъ и навѣрно еще много и долго будутъ говорить наши потомки, составляетъ главную основу благополучія лишь наиболѣе низменной въ нравственномъ отношеніи части населенія. Въ этомъ отношеніи крестьяне вполнѣ схожи съ интеллигенціей, такъ какъ и въ нашей средѣ люди, наслаждающіеся по преимуществу матеріальной жизнью, часто даже при большомъ умѣ являются такими нравственными кретинами, съ которыми истинно культурному человѣку долго оставаться и скучно, и противно. Да и дѣло съ ними имѣть трудно и даже опасно, потому что необходимо постоянно быть на сторожѣ, чтобы не оказаться мухой въ сѣтяхъ паука.

Совершенно то же самое имѣетъ мѣсто и въ деревнѣ, гдѣ часто за такъ называемыми домовитостью и зажиточностью скрывается самый черствый безпощадный эгоизмъ и кулачество.

И это вполнѣ понятно. Вѣдь и Плюшкинъ началъ съ домовитости и бережливости, а кончилъ скаредностью, которая находится въ двухъ шагахъ отъ этихъ прекрасныхъ качествъ.

Съ другой стороны и бѣдность крестьянъ очень часто, а въ нѣкоторыхъ районахъ даже въ большинствѣ случаевъ, является слѣдствіемъ не недостатка земли и не того, чтобы она была плохого качества, а того, что тамъ крестьянство разъѣдается другими не менѣе отвратительными пороками: распутствомъ и лѣнью.

Поэтому, изучая экономическое положеніе крестьянъ, можно зачастую наталкиваться прямо на поразительныя явленія; а именно: въ тѣхъ случаяхъ, когда цифровыя статистическія данныя о количествѣ и качествѣ земель свидѣтельствуютъ о зажиточности, на дѣлѣ встрѣчаешь совершенно обратное, а гдѣ, казалось-бы, надо найти вопіющую въ лохмотьяхъ нищету, тамъ находишь почтенную, заслуживающую глубокаго уваженія опрятную бѣдность. Крестьяне оказываются исправными плательщиками податей тамъ, гдѣ по всѣмъ разсчетамъ должна бы числиться большая недоимка, а постоянные недоборы встрѣчаются часто въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, казалось-бы, необходимо ожидать въ полномъ смыслѣ слова изобилія плодовъ земныхъ.

И только, подходя ближе къ крестьянамъ, погружаясь глубже въ ихъ внутреннюю жизнь, можно понять причину этихъ противорѣчивыхъ явленій и затѣмъ придти къ убѣжденію, что вопросы эти можетъ разрѣшить скорѣе нравственная философія, чѣмъ политическая экономія.

Къ сожалѣнію никто и никогда не разсматривалъ крестьянскую нужду и зажиточность съ нравственной точки зрѣнія, и никто поэтому не собиралъ для этого необходимыхъ данныхъ, и тѣмъ болѣе никто не провѣрялъ, какъ отражается богатство и бѣдность на духовной сторонѣ нашего крестьянства.

А если-бы статистика отражала въ своихъ таблицахъ и вѣдомостяхъ не только народное богатство и бѣдность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и моральные дефекты деревни и причины ихъ, тогда стало бы вполнѣ ясно, что нравственная часть крестьянскаго вопроса самая главная и что нельзя правильно изобразить картину хозяйственной части деревни, не зная ея внутренней жизни, нравственнаго ценза крестьянъ и причинъ ихъ духовнаго богатства или оскудѣнія.

III.

Темная деревня.

Русскія деревни можно раздѣлить по ихъ духовному состоянію на двѣ главныхъ группы. Къ первой принадлежатъ деревни „темныя“, а ко второй „цивилизованныя“, при чемъ обѣ группы рѣзко отличаются другъ отъ друга. Разсмотримъ главныя черты деревни, принадлежащей къ первой группѣ.

Кому приходилось жить въ деревенской глуши, вдали отъ какого-либо болѣе или менѣе крупнаго центра, откуда не достигало бы вѣяніе цивилизаціи, кстати сказать, довольно своеобразной, тотъ навѣрно чувствовалъ себя на порогѣ какъ бы сказочнаго міра, въ которомъ самое дѣятельное участіе принимаютъ домовые, лѣшіе, водяные, русалки, оборотни и проч. Въ этомъ сказочномъ царствѣ, именуемомъ неиспорченной и нетронутой цивилизаціей деревней, міръ фантазіи и міръ дѣйствительности такъ переплелись между собою, что часто трудно сказать, гдѣ кончается одинъ міръ и начинается другой. Тамъ не вѣрятъ ни въ лѣкарства, ни во врачей, зато съ благоговѣніемъ слушаютъ знахарей и ворожей и съ твердой надеждой глотаютъ „четверговую соль“, воду „съ уголька“ и разныя таинственныя снадобья знахарскаго изготовленія, изгоняющія всякую хворь. Въ сказочномъ мірѣ не имѣетъ значенія и пословица: „громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“, потому, что молнія — Божій огонь, а поэтому и пожаръ отъ нея тушить грѣхъ, а ужъ если и заливать такой огонь, то заливать молокомъ. Болотные огни „Св. Эльма“—это души умершихъ грѣшниковъ, а бродячія кошки почти сплошь оборотни, т. е. выходцы съ того свѣта, которые могутъ принимать и образъ человѣка и невозбранно разгуливать по бѣлу свѣту, чтобы толкать людей на грѣхъ.

Вся жизнь этого темнаго народа полна „примѣтами", а повѣріямъ нѣтъ конца и въ каждомъ живетъ суевѣрный, чисто языческій страхъ передъ „гнѣвомъ Божіимъ".

Поэтому тамъ каждый мало-мальски загадочный и даже просто сложный или запутанный случай объясняется непосредственнымъ участіемъ кого-либо изъ этихъ таинственныхъ выходцевъ съ того свѣта. Такой слѣпой вѣрой въ происки „нечистаго" и можно объяснить, что многіе крестьяне, виновные въ устройствѣ знаменитыхъ въ своемъ родѣ „иллюминацій", искренно увѣряли на допросѣ, что ихъ „попуталъ нечистый".

Эта удивительная смѣсь вѣры и суевѣрія темнаго народа побуждаетъ его въ несчастныхъ случаяхъ одновременно и молиться, и совѣщаться съ знахарями и ворожеями на счетъ использованія иногда чисто языческихъ обрядовъ, чтобы отвратить какое-либо бѣдствіе.

При такихъ условіяхъ, конечно, имъ и въ голову не можетъ придти, что почти всѣ ихъ хозяйственные недуги происходятъ отъ темноты и суевѣрія, мѣшающихъ имъ какъ слѣдуетъ обработать свое поле, вовремя и аккуратно убирать хлѣбъ, меньше праздничать и пить и напротивъ того помогающихъ имъ объяснять свои промахи и небрежности вмѣшательствомъ „нечистой силы". Другими словами, благодаря безграничному суевѣрію крестьянъ, они всегда имѣютъ возможность свалить вину на „нечистаго" и успокоиться на томъ, что „силенъ врагъ рода человѣческаго" и тѣмъ загородиться отъ возможности усовершенствованія какъ своего хозяйства, такъ и семейныхъ и общественныхъ отношеній.

Надежду на искорененіе ужаснаго суевѣрія среди крестьянъ возлагаютъ главнымъ образомъ на школу, но едва ли одна школа, да еще начальная, въ состояніи побороть то, что не подъ силу и высшей школѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало на свѣтѣ очень образованныхъ людей, вѣрящихъ въ примѣты не менѣе простого народа. Развѣ мало такихъ, которые тушатъ свѣчу, если горитъ ихъ три; какъ мало риску-

ющихъ сѣсть за столъ тринадцатымъ и вообще какъ рѣдки люди, не боящіеся цифры 13 и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ много вѣрящихъ въ удачу или неудачу дня въ зависимости отъ того, кто первый встрѣтитъ ихъ, или кто пересѣчетъ имъ дорогу. Отсюда ясно, что предразсудки часто бываютъ сильнѣе науки.

Конечно, большинство это называетъ оригинальностью и самое большее чудачествомъ; но если бы мы въ состояніи были прослѣдить духовную жизнь человѣка „съ предразсудками" и наблюдать, какъ его „чудачества" отражаются иногда на его дѣлахъ и отношеніяхъ къ окружающимъ вообще и близкимъ въ частности, то тогда мы убѣдились бы, что этотъ порокъ настолько серьезенъ, что надъ нимъ нельзя смѣяться, а надо съ нимъ серьезно бороться.

Если же суевѣріе и предразсудки пагубно отражаются на жизни интеллигентныхъ людей, которымъ всетаки въ этой болѣзни помогаетъ ихъ образованіе, то легко себѣ представить тотъ житейскій непорядокъ, который долженъ имѣть мѣсто въ жизни крестьянъ, пропитанныхъ самымъ безобразнымъ мистицизмомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли заниматься съ любовью своимъ хозяйствомъ крестьянинъ, у котораго есть твердое убѣжденіе, что искусная ворожея или колдунъ, выйдя рано утромъ на поле и помахавъ метлой, можетъ либо засушить весь его хлѣбъ, либо вылить море дождя и затопить все водою.

Послѣдствіемъ такой темноты естественнымъ образомъ является тупой фатализмъ и безсмысленная тайная борьба крестьянъ съ медицинскими и ветеринарными мѣрами, выражающаяся въ скрываніи заразныхъ больныхъ людей и заразныхъ животныхъ и полномъ игнорированіи всякой элементарной гигіены.

Все это въ свою очередь много помогаетъ съ одной стороны упадку сельскохозяйственной промышленности, а съ другой и физическому ослабленію народа.

Темнота народная при этомъ не только калѣчитъ его тѣло и разрушаетъ хозяйство, но главнымъ образомъ истощаетъ его духовно, содѣйствуя разслабленію воли и укрѣпленію вѣры во что-то неизвѣстное, такъ

какъ, чѣмъ болѣе развито суевѣріе у крестьянина, тѣмъ болѣе онъ чувствуетъ себя съ одной стороны во власти лѣшихъ, вѣдьмъ и оборотней, а съ другой во власти знахарей, ворожей и колдуновъ.

Отсюда ясно, что пока совершенно не прояснится умъ крестьянина, а вѣра его не получитъ правильнаго направленія, деревня темная, не получившая истинной цивилизаціи, будетъ влачить сравнительно жалкое существованіе, такъ какъ каждая реформа будетъ воспринята нездоровымъ затемненнымъ разумомъ при расшатанной волѣ. Плохо знающая народъ интеллигенція будетъ удивляться, что ея благія начинанія не приносятъ и половины ожидаемыхъ плодовъ, а крестьяне свои естественныя неудачи отъ плохо воспринятыхъ реформъ станутъ объяснять либо насланной „порчей", либо „глазомъ" недобраго человѣка, либо, наконецъ, вмѣшательствомъ „нечистой силы"

Само собою разумѣется, что со столь трудной ролью просвѣтителя народа, какъ я упомянулъ выше, не справиться одной начальной школѣ, которая можетъ быть лишь помощницей главному дѣятелю въ этой области—сельскому духовенству, но только совершенно независимому въ матеріальномъ отношеніи отъ своей паствы, такъ какъ подобная зависимость лишаетъ духовнаго наставника народа свободы, а проповѣдь—той непреодолимой силы, которою должно быть проникнуто каждое слово проповѣдника. А до тѣхъ поръ, пока сельское духовенство вынуждено будетъ жить милостью своей паствы, борьба его съ народнымъ суевѣріемъ и темнотой не можетъ принести обильныхъ плодовъ.

IV.

Цивилизованная деревня.

Печально положеніе и той деревни, которая, благодаря близости къ населеннымъ центрамъ и городамъ, утратила почти всѣ свои отличительныя черты, но не

восприняла вполнѣ и городскихъ обычаевъ, а потому и стала въ то отчасти комическое, отчасти драматическое положеніе, которое опредѣляется остроумной пословицей: „отъ своихъ отсталъ и къ чужимъ не присталъ".

Такой же и даже еще болѣе отталкивающій обликъ носитъ и та деревня, въ которой развитъ отхожій промыселъ, такъ какъ тамъ работающіе долгое время на сторонѣ крестьяне постепенно порываютъ всякую связь съ деревней и уже безобразничаютъ у себя дома безъ удержа и малѣйшаго стыда. Они и возвращаются то домой исключительно съ этой цѣлью.

Переносимая и, конечно, извращенная переносителями „цивилизація", очень скоро совершенно измѣнила физіономію деревни; мало того, она прямо обезобразила ее нравственно, а благодаря оттуда же переносимымъ болѣзнямъ, кромѣ того и физически.

Крестьянская молодежь, поставившая себѣ идеаломъ разухабистаго фабричнаго „товарища", стала стыдиться своего званія, стараясь насколько возможно менѣе походить на деревенскаго жителя.

Началось съ замѣны русскаго костюма „городскимъ", или какъ говорятъ въ деревнѣ „нѣмецкимъ", а затѣмъ столь же радикальная перемѣна произошла и въ области понятій. Простой и здравый взглядъ на деревенскую жизнь смѣнился соціалистическимъ винигретомъ, переработаннымъ на мѣстѣ уже въ нѣчто совершенно несообразное.

Вслѣдствіе такого „просвѣщенія" наша „цивилизованная", а затѣмъ наскоро переработанная во время смуты „освободителями" изъ недоучившейся интеллигенціи деревня быстро превратилась въ притонъ разгула и разврата. Пьяныя оргіи съ ножевыми расправами очень скоро вошли въ обычай, вызывая лишь грустное покачиваніе головой со стороны безсильныхъ и осмѣянныхъ „стариковъ".

Конечно, понятія о свободѣ, собственности и чести въ особенности женской, получили вполнѣ „товарищескую" отдѣлку, послѣ чего въ „цивилизованной" деревнѣ по вечерамъ небезопасно стало ходить не

только женщинѣ, но и мужчинѣ, не принадлежащему къ толпѣ деревенскихъ хулигановъ.

О вѣрѣ и сердечности, нѣкогда отличительныхъ чертахъ простого народа, и говорить нечего, такъ какъ издѣвательство надъ религіей и жестокость стали въ глазахъ деревенской молодежи признакомъ просвѣщенности.

Само собою разумѣется, что съ такой разнузданной, нравственно прогнившей деревней можетъ съ успѣхомъ бороться прежде всего и главнымъ образомъ, если не исключительно, сельское духовенство, но роль его въ „цивилизованной" деревнѣ во много разъ труднѣе, чѣмъ въ деревнѣ темной, гдѣ вѣрятъ въ домовыхъ, лѣшихъ и колдуновъ.

Тамъ доброе вразумительное слово пастыря, опирающагося на евангельскія истины, можетъ имѣть прямое дѣйствіе на неиспорченное сердце еще не забывшаго Бога мужичка, тогда какъ въ деревнѣ морально расшатанной одна обычная церковная проповѣдь безсильна, ее и слушать не станетъ безбожная молодежь. И для того, чтобы нравственно повліять на разнузданную паству, пастырь долженъ быть не только глубоковѣрующимъ, но съ желѣзной волей, дѣйствительно готовый положить душу за своихъ овецъ. Кромѣ того, онъ долженъ буквально „глаголомъ жечь сердца людей", и держать себя такъ, чтобы слово его шло рука объ руку съ его жизнью, и чтобы при встрѣчѣ съ нимъ съ самой упрямой головы валилась шапка.

Священнику же робкому, обремененному житейскими заботами, принявшему даръ священства не въ силу призванія, а въ силу обстоятельствъ, не стоитъ и идти въ такую деревню, чтобы не подвергать себя оскорбленіямъ и насмѣшкамъ.

Но откуда же, спроситъ, быть можетъ, читатель, набрать такое количество сельскихъ священниковъ, стоящихъ на такой чуть что недосягаемой духовной высотѣ, въ особенности для деревень, низко опустившихся въ нравственномъ отношеніи?

Не думается намъ, чтобы оскудѣла русская земля такими пастырями, какъ не оскудѣла она вообще людьми

сильными духомъ, и вся задача въ томъ, чтобы найти такихъ людей, а найдя, помочь имъ стать пастырями церкви и уже, конечно, совершенно независимыми матеріально отъ своей паствы.

Съ другой стороны, нѣтъ еще пока повода опасаться за судьбу русской деревни потому, что, какъ показала намъ смута, своеобразно „цивилизованныхъ", т. е. разнузданныхъ и развращенныхъ селеній у насъ пока еще не такъ много, чтобы для нравственнаго обѣленія ихъ необходимо было бы собирать цѣлыя полчища „богатырей" ума и воли. У насъ гораздо больше деревень, отличающихся лишь безпросвѣтной темнотой и суевѣріемъ, т. е. деревень съ больнымъ разумомъ, но здоровой совѣстью, въ дѣлѣ просвѣщенія которыхъ можно обойтись и безъ „богатырей"; честныхъ же работниковъ—вѣрующихъ, трудолюбивыхъ и способныхъ у насъ достаточно.

Надо только умѣть собрать ихъ и поставить въ такія условія, при которыхъ они могли бы во всю ширь проявить свои способности. А это уже не такъ трудно.

А если у насъ и такихъ людей нѣтъ, или очень мало, то тогда напрасны всѣ попытки путемъ чисто внѣшнихъ реформъ достигнуть правильнаго и спокойнаго теченія внутренней жизни, такъ какъ ничтожные люди обезличатъ всякую благую реформу.

Въ заключеніе необходимо упомянуть еще объ одномъ существенномъ недугѣ деревни, заключающемся въ отсутствіи у нея истинныхъ друзей и совѣтниковъ, которые бы близко стояли къ ней и, такъ сказать, жили бы ея жизнью, т. е. близко принимали бы къ сердцу и радость, и горе ея. А между тѣмъ, благодаря моральнымъ недугамъ, крестьяне особенно нуждаются въ надежныхъ друзьяхъ и совѣтникахъ. Офиціально таковыми могутъ служить и земскіе начальники, и податные инспектора, и предводители дворянства, какъ предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ, но все это съ точки зрѣнія крестьянъ „господа", очень далекіе отъ нихъ по взглядамъ на деревню и на жизнь вообще, и только „батюшку", какъ живущаго среди народа, крестьянинъ

можетъ, и то при извѣстныхъ условіяхъ, считать „своимъ", близкимъ ему. А если и духовные отцы по своему отношенію къ деревнѣ крестьянами причисляются къ „господамъ", то тогда это означаетъ, что пастыри слишкомъ далеко отстоятъ отъ пасомыхъ.

Конечно, при желаніи всѣ поименованныя лица могутъ сдѣлаться друзьями деревни, но сельскій священникъ не только можетъ, но и долженъ быть близокъ ей, и тогда при частыхъ общеніяхъ съ крестьянами, разбирая ихъ споры, примиряя, утѣшая и успокаивая ихъ, онъ сдѣлаетъ даже гораздо больше, чѣмъ обычная очередная проповѣдь его, произносимая имъ съ амвона.

V.

Частная задолженность крестьянъ и вліяніе ея на рѣшенія сельскихъ сходовъ.

Къ числу очень серьезныхъ недуговъ общественной жизни крестьянъ безусловно необходимо отнести задолженность ихъ частнымъ лицамъ, а главнымъ образомъ такъ называемымъ мѣстнымъ „міроѣдамъ" или „кулакамъ". Эта задолженность если по суммѣ, быть можетъ и меньше задолженности по казеннымъ, земскимъ, волостнымъ и страховому сборамъ, за то по послѣдствіямъ своимъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ первая.

Для казенныхъ недоимокъ существуютъ манифесты, часто значительно облегчающіе долговое бремя, и другія правительственныя мѣропріятія, направленныя къ той же цѣли. Точно также и земство, во вниманіе къ затруднительному положенію крестьянъ, можетъ снисходительно отнестись къ ихъ задолженности, но ничего подобнаго не могутъ ожидать крестьяне отъ своихъ кредиторовъ-этихъ деревенскихъ „благодѣтелей", медленно высасывающихъ соки изъ своихъ же односельчанъ.

Ссужая ихъ хлѣбомъ и деньгами за баснословные проценты, прямо небывалые даже среди профессіональ-

ныхъ ростовщиковъ, они держатъ какъ въ желѣзныхъ клещахъ своихъ должниковъ, превращая ихъ въ безмолвныхъ рабовъ, а самое главное, это то, что „благодѣтели", благодаря этому, совершенно обезличиваютъ сельскій сходъ.

Въ видѣ нагляднаго примѣра того, въ какомъ порабощеніи у кредиторовъ находятся крестьяне, позволю себѣ, прежде всего, привести слѣдующій фактъ, случайно дошедшій до свѣдѣнія одного изъ губернскихъ присутствій.

Въ это послѣднее, въ 1897 году, когда еще не была введена въ разсматриваемой губерніи казенная продажа питей, поступила жалоба одного богатаго винокуреннаго заводчика на земскаго начальника, утвердившаго явно невыгодный для крестьянъ приговоръ сельскаго схода, въ силу какового приговора крестьяне согласились разрѣшить мѣстному богачу „благодѣтелю" открыть на своей землѣ винную лавку съ платою по 200 руб. въ годъ, тогда какъ заводчикъ предлагалъ имъ плату по 1,000 руб. въ годъ. Жалоба представлялась настолько основательной, а постановленіе сельскаго схода настолько страннымъ и непонятнымъ, что я просилъ присутствіе произвести разслѣдованіе на мѣстѣ. Присутствіе согласилось, причемъ выяснилось, что крестьяне постановили такой дѣйствительно невыгодный для нихъ приговоръ только подъ угрозой своего кредитора, обѣщавшаго въ случаѣ несогласія крестьянъ на его предложеніе взыскать сразу со всѣхъ членовъ схода долги.

Во избѣжаніе причиненія крестьянамъ еще большаго зла, присутствіе вынуждено было примириться съ существующимъ фактомъ и признать жалобу заводчика неподлежащею удовлетворенію.

Замѣченъ былъ и такой фактъ. Въ одномъ очень бѣдномъ, но большомъ селеніи съ крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ надѣловъ по дворамъ крестьяне рѣшили произвести передѣлъ земли по наличнымъ душамъ, но какъ только былъ собранъ сходъ, оказалось, что большинство за сохраненіе земельнаго

status quo. Причина заключалась въ томъ, что крупные участки земли находились во владѣніи богатыхъ крестьянъ, для которыхъ передѣлъ былъ равносиленъ сокращенію ихъ доходовъ, а такъ какъ большая часть крестьянъ бѣдныхъ, кому передѣлъ собственно и былъ необходимъ, въ то же время состояли должниками богатыхъ, то и побоялись угрозъ взысканія долговъ и подали голоса противъ передѣла.

Во многихъ случаяхъ замѣчено было, что надѣлы неисправныхъ плательщиковъ податей сдавались въ аренду по цѣнамъ значительно ниже обычныхъ арендныхъ цѣнъ въ той мѣстности, причемъ земли эти арендовались мѣстными же богачами, которые по количеству набранной земли являлись какъ бы помѣщиками среди крестьянъ. Они сами назначали цѣны за землю, а сельскій сходъ по той же причинѣ соглашался, боясь перечить своимъ повелителямъ.

По собраннымъ податными инспекторами свѣдѣніямъ, арендныя цѣны при такихъ условіяхъ опредѣлялись почти въ три раза менѣе существовавшихъ нормальныхъ цѣнъ, напримѣръ, вмѣсто 18—19 р. за десятину, въ 6—7 рублей.

Кромѣ того эти всевластные арендаторы вліяютъ на крестьянъ, чтобы къ неисправнымъ плательщикамъ податей примѣнялась именно эта мѣра—отобраніе надѣла, а не остальныя, указанныя въ ст. 188 общ. пол. о крест.

При изслѣдованіи причинъ медленнаго примѣненія закона 12 мая 1896 года о пересрочкѣ выкупнаго долга оказалось, что не смотря на большое затрудненіе для крестьянъ, вызываемое этимъ закономъ, значительно отдалявшимъ конецъ выкупнаго періода, многіе изъ нихъ желали тогда воспользоваться уменьшеніемъ годичныхъ платежей, но боялись подавать объ этомъ заявленія, такъ какъ зажиточнымъ односельчанамъ эта отсрочка была крайне нежелательна.

Всѣ эти случаи съ достаточной ясностью рисуютъ картину порабощенія бѣдныхъ крестьянъ богатыми односельчанами, слѣдствіемъ чего является то, что

многіе сельскіе сходы представляютъ собою нѣчто вродѣ акціонерныхъ собраній съ подставными держателями акцій. Эти послѣдніе въ названныхъ собраніяхъ подаютъ голоса согласно указаніямъ дѣйствительнаго владѣльца акцій, а крестьяне на сельскихъ сходахъ—согласно указаніямъ своего повелителя—кредитора.

Не зная этой обратной стороны жизни селенія, можно быть введеннымъ въ большое заблужденіе насчетъ истинныхъ желаній большинства крестьянъ, выражаемыхъ въ приговорахъ сельскихъ сходовъ. Такихъ закабаленныхъ селеній очень много, а потому къ большей части подобныхъ приговоровъ необходимо относиться съ осторожностью и отнюдь не считать ихъ во всѣхъ случаяхъ дѣйствительнымъ желаніемъ большинства.

Только хорошо зная условія экономическаго быта селенія, возможно будетъ понять смыслъ нѣкоторыхъ приговоровъ и дать вполнѣ вѣрный отвѣтъ на вопросъ: выражено-ли въ нихъ желаніе крестьянъ или же они эти приговоры, состоялись подъ давленіемъ невидимаго рычага, гнувшаго это желаніе въ ту сторону, въ которую ему было необходимо.

Въ виду такого положенія вещей, есть полное основаніе утверждать, что частная задолженность крестьянъ служитъ и несомнѣнно еще долго будетъ служить серьезнымъ препятствіемъ для правильнаго и свободнаго рѣшенія крестьянскихъ вопросовъ на мѣстахъ, равно какъ и для проведенія въ жизнь всѣхъ тѣхъ реформъ, примѣненіе которыхъ на практикѣ будетъ поставлено въ зависимость отъ рѣшеній сельскихъ сходовъ.

VI.

Объ осеннемъ и зимнемъ наймѣ на сельско-хозяйственныя работы крестьянъ и объ отношеніи ихъ къ договорамъ о наймѣ.

Однимъ изъ послѣдствій оскудѣнія крестьянскаго населенія является запродажа имъ своего труда за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Время этой запродажи

совпадало обыкновенно со временемъ усиленнаго взысканія податей, т. е. съ тѣмъ періодомъ, когда считается, что крестьяне уже успѣли реализовать произведенія своего хозяйства и слѣдовательно представляются вполнѣ платежеспособными. На самомъ дѣлѣ въ такомъ благопріятномъ матеріальномъ положеніи оказывалось въ это время лишь незначительное меньшинство, т. е. люди зажиточные, недоимочному же большинству приходилось только съ большимъ напряженіемъ измышлять разные способы, чтобы избѣжать принудительнаго взысканія податей и всѣхъ его послѣдствій.

Нужда бѣдной части населенія обострялась особенно еще и потому, что его платежеспособности ожидали не только казна и земство, но и частные кредиторы, которымъ надо платить долги. обыкновенно откладываемые до снятія урожая.

Предвидя тяжелую перспективу усиленной расплаты съ кредиторами, крестьяне торопились обратить въ деньги продукты своего хозяйства и прежде всего попадали въ когти скупщиковъ, пользующихся затруднительнымъ положеніемъ вынужденныхъ продавцевъ и эксплоатирующихъ ихъ по всѣмъ правиламъ маклацкаго искусства.

Уплативъ имъ значительную часть своего „чистаго дохода", крестьяне возвращаются съ базара съ тощимъ карманомъ въ деревню, гдѣ ихъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ становой и остальные кредиторы.

Естественнымъ и даже единственнымъ выходомъ изъ столь тяжелаго положенія являлся наемъ на работы слѣдующаго года съ полученіемъ задатковъ, которые и шли на уплату податей и долговъ.

О финансовыхъ результатахъ этого рода найма я скажу далѣе, но полагаю, что дамъ довольно вѣрное понятіе о немъ, если сообщу, что крестьяне подобный способъ займа денегъ называютъ „надѣть хомутъ съ осени".

Въ 1897 году, вслѣдствіе частныхъ жалобъ помѣщиковъ на нарушеніе крестьянами закона 12 іюня

1886 г. о наймѣ на сельскія работы, было поручено особымъ губернскимъ совѣщаніямъ выразить по этому предмету свое мнѣніе вообще и въ частности дать заключеніе о томъ, насколько названный законъ охраняетъ интересы нанимателей.

Губернское совѣщаніе, въ которомъ я принималъ участіе, высказалось, что упомянутый законъ 1886 г. не нуждается въ какихъ-либо измѣненіяхъ или дополненіяхъ въ смыслѣ огражденія интересовъ нанимателей. И это было вполнѣ понятно, такъ какъ отношенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ къ нанимателямъ создались издавна на почвѣ постепеннаго оскудѣнія первыхъ, каковое обстоятельство вполнѣ гарантировало нанимателей отъ злоупотребленій со стороны крестьянъ, всегда бывшихъ, благодаря своей бѣдности, очень сговорчивыми на счетъ условій найма, и наоборотъ очень мало гарантировало этихъ послѣднихъ отъ злоупотребленій нанимателей.

Одно изъ главныхъ обвиненій крестьянъ заключалось въ томъ, что они набирали работу въ разныхъ мѣстахъ сверхъ мѣры, вслѣдствіе чего нѣкоторые наниматели, выдавшіе задатки, оставались безъ рабочихъ въ самое страдное время. Но подобные случаи въ разсматриваемой губерніи, какъ оказалось по собраннымъ свѣдѣніямъ, были очень рѣдки. Это объяснялось во-первыхъ тѣмъ, что крестьяне въ то время, несмотря на свою темноту, были очень добросовѣстными въ дѣлѣ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ и на договоры о наймѣ смотрѣли какъ на присягу, вслѣдствіе чего сами наниматели избѣгали письменныхъ условій, а ограничивались въ большинствѣ случаетъ словесными договорами, то есть, иначе говоря, полагались на честность нанимающихся, а во-вторыхъ тѣмъ, что, находясь постоянно въ нуждѣ, каждый крестьянинъ дорожилъ заработкомъ и репутаціей добросовѣстнаго работника, и только самый отчаянный рискнулъ бы взять на себя такія обязательства, которыя онъ завѣдомо не могъ выполнить.

Но и дѣлаясь нарушителемъ договора, крестьянинъ очень часто былъ, какъ говорится, безъ вины ви-

новать. Виною было тяжелое, часто безвыходное матеріальное положеніе, потеря лошади, болѣзнь его самого или членовъ семьи, а также прежняя система взиманія податей, которая,какъ было выражено въ Высочайшемъ указѣ 29 іюня 1899 г., „допускала примѣненіе разорительныхъ пріемовъ взысканія съ плательщиковъ".

Набирая работу, крестьянинъ сообразовался, конечно, съ своимъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ, но благодаря „усиленному" взысканію оказывался или совсѣмъ безъ лошади, или съ одною. вмѣсто двухъ либо трехъ, и тогда поневолѣ становился нарушителемъ своего обязательства, а когда лишался послѣдней лошади, то уже, дѣлаясь безлошаднымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, давалъ поводъ обвинять себя даже въ злостномъ нарушеніи договора. Несмотря однако на то, что заключая договоръ до взысканія податей, задолженный крестьянинъ никогда не могъ быть увѣреннымъ, что по окончаніи взысканія не окажется въ положеніи будущаго нарушителя договора, онъ, „надѣвая хомутъ съ осени", настолько добросовѣстно относился къ этому ярму, что очень рѣдко вызывалъ жалобы.

Оставаясь добросовѣстнымъ докладчикомъ, я не могу не упомянуть, что, къ сожалѣнію, затруднительнымъ положеніемъ крестьянъ въ періодъ взысканія податей пользовались многія экономіи, находившіяся въ завѣдываніи управляющихъ, а не самихъ владѣльцевъ, для чего управляющіе разъѣзжали изъ селенія въ селеніе въ дни, назначенные для продажи имущества крестьянъ и предлагали задатки подъ стукъ аукціоннаго молотка. Конечно, предложеніе, высказаннсе въ столь критическій моментъ, дѣлало крестьянина очень сговорчивымъ и нетребовательнымъ.

Такой образъ дѣйствій управителей, вызывая справедливое на нихъ негодованіе со стороны крестьянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ переносилъ его и на владѣльцевъ имѣнія, потому что они допускали подобную эксплоатацію крестьянской нужды. Это негодованіе—одинъ изъ кирпичей того зданія, которое называется „аграрными безпорядками".

Подъ такимъ давленіемъ крестьяне иногда заключали письменные договоры, въ силу которыхъ отдавали себя полному произволу работодателя.

Я видѣлъ договоръ съ слѣдующимъ поставленнымъ условіемъ; „въ случаѣ неурожая въ будущемъ 1896 г. хлѣба, мы крестьяне должны возвратить взятыя нами деньги, сколько будетъ причитаться конторѣ". Такимъ образомъ контора опредѣлитъ, былъ ли урожай или неурожай, и затѣмъ по своему усмотрѣнію вольна разсчитать рабочихъ. Въ другомъ договорѣ было сказано; „....кромѣ того прополоть овесъ до возможной чистоты, при чемъ на полку овса должны выйти всѣ въ одинъ день, иначе платимъ штрафъ, какой угодно будетъ N". Ставилось иногда условіемъ, чтобы крестьяне не смѣли жаловаться на нанимателя въ судъ, подъ опасеніемъ штрафа, безъ ограниченія суммы, т. е. вводилось явно противозаконное условіе.

Очень часто причиной осенняго найма на работы слѣдующаго года была невозможность уплаты въ срокъ денегъ за арендуемыя земли, такъ какъ нѣкоторые землевладѣльцы ставили условіемъ, чтобы деньги за аренду уплачивались до снятія урожая. Несмотря на рискованность подобнаго обязательства, крестьяне принимали его, въ надеждѣ „какъ нибудь обернуться", но разсчеты эти обыкновенно оказывались напрасными, и приходилось во избѣжаніе потери урожая „надѣвать хомутъ", т. е. наниматься на работы будущаго года, а задатокъ засчитывать въ арендную плату.

О какихъ же, при такихъ обстоятельствахъ, нарушеніяхъ договоровъ можетъ быть рѣчь?!

Доказательствомъ вполнѣ добросовѣстнаго отношенія крестьянъ къ договорамъ, не исключая и крайне для нихъ невыгодныхъ, служатъ слѣдующія данныя.

При обзорѣ дѣлопроизводства въ 16 волостяхъ одного изъ уѣздовъ разсматриваемой губерніи оказалось, что въ 1896 году въ 7 волостныхъ судахъ разобрано было всего 50 дѣлъ по искамъ работодателей къ рабочимъ, въ остальныхъ же 9 судахъ подобныхъ дѣлъ не было. У одного земскаго начальника не было ни одного такого дѣла, а у двухъ другихъ по

шести. Въ другомъ уѣздѣ далеко не ко всѣмъ земскимъ начальникамъ поступали такія дѣла, а къ тѣмъ, къ которымъ поступали, число ихъ не превышало восьми въ годъ. Одинъ изъ названныхъ должностныхъ лицъ сообщилъ, что за $3^1/_2$ года ему пришлось выдать 2500 договорныхъ листовъ, дѣлъ же по нарушеніямъ этихъ договоровъ возникло всего 25, изъ коихъ 11 были прекращены за примиреніемъ сторонъ. Изъ данныхъ одного волостного правленія оказалось, что изъ выданныхъ 1100 договорныхъ листовъ, дѣлъ по нимъ возникло всего четыре.

Да и могло ли быть иначе, если крестьяне, „надѣвши хомутъ", шли на работу въ этомъ хомутѣ съ истинно христіанскимъ смиреніемъ, доказательствомъ чему могутъ служить слѣдующіе два случая.

Въ одной очень крупной экономіи была нанята артель рабочихъ въ 70 человѣкъ. Не смотря на то, что полицейскимъ протоколомъ была удостовѣрена полная негодность дававшагося имъ въ пищу мяса, въ которомъ были обнаружены черви, только трое изъ всей артели выразили молчаливый протестъ уходомъ съ работы, остальные же остались и продолжали ее. Въ другой богатой экономіи ушли съ работы 30 человѣкъ, которымъ предстояло ранней весной жить подъ открытымъ небомъ, такъ какъ на мѣстѣ производства работъ, отдаленномъ отъ экономіи, не оказалось даже простыхъ деревянныхъ шалашей для ночлега. Однако болѣе половины этихъ рабочихъ, по настоянію волостного старшины, вернулись обратно, примирившись съ своимъ положеніемъ.

VII.

Объ отношеніи нанимателей къ договорамъ о наймѣ и о матеріальныхъ послѣдствіяхъ для крестьянъ осенняго и зимняго найма.

Указавъ, какъ относятся крестьяне къ заключаемымъ ими договорамъ о наймѣ на сельскія работы,

я, къ сожалѣнію, не могу того же повторить по отношенію къ нанимателямъ.

Тщательно оберегая себя отъ злоупотребленій со стороны крестьянъ, оберегая притомъ совершенно напрасно, такъ какъ и безъ того русскій крестьянинъ, какъ было объяснено выше, въ очень рѣдкихъ случаяхъ является злостнымъ нарушителемъ договоровъ, землевладѣльцы вводятъ въ договорныя условія нерѣдко такіе пункты, которые вводить не только запрещено закономъ 12 іюня 1886 года, но которые, къ тому же, представляются крайне несправедливыми, а иногда и прямо жестокими.

На подобные договоры крестьяне, конечно, не жалуются, но слѣдовало бы ввести въ законъ, чтобы сама администрація имѣла право возбуждать преслѣдованіе тѣхъ, кто, пользуясь темнотою крестьянъ, включаетъ въ договоры противозаконныя требованія, и чтобы судъ признавалъ ихъ недѣйствительными и покрѣпче штрафовалъ корыстолюбивыхъ нарушителей закона.

Вопросъ объ условіяхъ найма на сельскія работы былъ мною изслѣдованъ особо черезъ податныхъ инспекторовъ, а потому сообщаемыя ниже свѣдѣнія заслуживаютъ точно также полнаго вниманія и довѣрія.

Изъ собранныхъ свѣдѣній оказалось, что въ ограждение своихъ интересовъ землевладѣльцы включаютъ въ договоры запрещеніе проявлять недовольство пищей, ограниченіе права пользованія судебной защитой, право вычитать за прогулъ болѣе двойной платы, какая причиталась бы за прогульное время, взысканіе штрафа за неявку на работу или за самовольный уходъ. Вопреки требованію ст. 28 упомянутаго закона въ договоры включается, что рабочіе должны уплатить неустойку въ двойномъ размѣрѣ, если обратятся въ судъ. Вопреки ст. 57, устанавливающей отвѣтственность лишь по суду, въ договоры включается добровольная неустойка двойная и тройная сверхъ возврата задатка. Иногда сверхъ того еще включается обязательство уплаты стоимости найма другихъ рабочихъ и вознагражденія за всѣ убытки. Иногда штрафы опредѣляются настолько глухо, что ими можно свести на нѣтъ

почти всю заработную плату. Напримѣръ при такомъ договорномъ условіи: „при возкѣ картофеля подбирать за собою упавшій картофель, иначе платимъ штрафъ въ 50 коп.“ При такомъ условіи можно каждую упавшую неподобранную картошку цѣнить въ 50 коп., или при такомъ договорѣ; „за *каждый огрыхъ* и неотпашку (наниматель) можетъ удержать 1 5 руб.“

Являться на работу необходимо „по первому требованію“, но способъ оповѣщенія не указывается, а между тѣмъ за неявку—штрафъ. Встрѣтились договоры, дававшіе право нанимателю увеличивать работу по своему усмотрѣнію, не увеличивая платы. Напримѣръ, за 70 руб. нанявшійся обязался „вывезти навозъ, сколько окажется на дворѣ и во всѣхъ мѣстахъ, дочиста“. Въ данномъ случаѣ произошло то, что наниматель послѣ заключенія договора увеличилъ количество скота въ два раза. Встрѣтился и такой оригинальный договоръ по своей неопредѣленности. Рабочій обязался за 9 руб. нарѣзать 5 кубовъ торфа своимъ инструментомъ, четыре раза перевернуть нарѣзанный торфъ и сложить кирпичъ „по рамамъ нанимателя“. Оказалось затѣмъ, что каждая сторона рамы нанимателя имѣла не 1 кв. саж., а 1,27 кв. саж.

Для того, чтобы крѣпче держать въ рукахъ рабочаго, въ договоры вводится нерѣдко штрафъ въ 10 руб. за „непочтительное“ отношеніе къ администраціи имѣнія.

Трудно сказать, въ какихъ предѣлахъ пользовались наниматели своими выговоренными въ договорахъ правами, такъ какъ крестьяне, какъ я уже упомянулъ выше, къ принятымъ на себя обязательствамъ относились вполнѣ добросовѣстно и не жаловались даже тогда, когда былъ прямой для этого поводъ. Поэтому необходимо допустить, что изъ числа жалобъ нанимателей было не мало такихъ, которыя явились слѣдствіемъ слишкомъ широкаго пользованія ими выговоренными правами.

Едва ли можно допустить, чтобы такое отношеніе къ договорамъ о наймѣ проявляли землевладѣльцы только разсматриваемой губерніи, вѣрнѣе, что это

явленіе скорѣе общее, а потому и жалобы землевладѣльцевъ на то, что законъ 12 іюня 1886 г. слишкомъ слабо охраняетъ ихъ интересы, даже при томъ, что они произвольно дополняли и расширяли его, — представляются вполнѣ неосновательными.

Вопросъ о томъ, выгоденъ ли для крестьянъ или невыгоденъ осенній и зимній наемъ на сельскохозяйственныя работы, несмотря на свою простоту и ясность былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ предметомъ горячаго спора между двумя землевладѣльцами, довольно долго полемизировавшими по этому предмету на страницахъ „Новаго Времени“. Споръ окончился ничѣмъ въ виду того, что обѣ стороны не имѣли никакихъ положительныхъ цифровыхъ данныхъ.

Полагаю, что приводимыя мною ниже свѣдѣнія должны разсѣять всякое сомнѣніе и привести къ заключенію, что подобный наемъ не только невыгоденъ для крестьянъ, но прямо разорителенъ.

Приведу лишь наиболѣе рельефные примѣры заработной платы по зимнему и весеннему найму. Данныя были собраны въ 1898 году, т. е. 11 лѣтъ тому назадъ.

Уѣздъ А. Косьба хлѣба и вязка его въ снопы обходится при наймѣ предъ началомъ работъ въ 3 р. 50 к.—4 р. за десятину, а при зимнемъ цѣна не превышаетъ 2 р. 50 к. Полная обработка и уборка хлѣба съ 1 десят. при зимнемъ наймѣ обходится въ 4 руб. 50 к., а при лѣтнемъ въ 6—7 руб. 50 коп. Уборка одной десятины свекловицы въ первомъ случаѣ обходится въ 13 руб., а во-второмъ—18 руб.

Уѣздъ Б. Обработка одной десятины озимаго поля съ уборкою и доставкою хлѣба на гумно при лѣтнемъ наймѣ оцѣнивается въ 8—12 руб., а при зимнемъ въ 4 р. 50 к.—5 р.

Въ уѣздѣ В. находится 59 обществъ, получившихъ дарственный надѣлъ, а потому тамъ, гдѣ дарственниковъ много, и зимой, и лѣтомъ стоимость рабочихъ рукъ на 20% ниже, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Осенью дарственники являются даже болѣе состоятельными, чѣмъ въ другое время, а потому они

и не прибѣгаютъ къ запродажѣ своего труда. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ ихъ нѣтъ, стоимость работъ при зимнемъ наймѣ на 10—15% ниже, чѣмъ при лѣтнемъ наймѣ.

Въ уѣздѣ Г. за обработку одной десят. озимаго хлѣба платятъ обыкновенно 10 р. 38 к., а при зимнемъ наймѣ всего 6 р. 38 к., а за десят. ярового 9 р. 37 к. вмѣсто 5 р, 94 к.

Цѣны иногда значительно колеблются въ зависимости отъ степени плохого экономическаго положенія крестьянъ. Такъ, напримѣръ, однѣ экономіи при зимнемъ наймѣ за плужный взметъ пара на одной десят. платятъ 3 руб. 50 к. до 4 р. 80 к., другія же находятъ рабочихъ для той же работы за 2 р. 50 к.—2 р. и даже за 1 руб. 75 коп.

Въ остальныхъ уѣздахъ, въ которыхъ были произведены изслѣдованія заработной платы лишь за нѣкоторыя работы, обнаружилось, что за жнитво, напримѣръ, одной десят. обыкновенно платятъ 4 — 7 р., тогда какъ при зимнемъ наймѣ 3 — 4 р., а иногда и 2 руб. 50 коп. Въ другомъ такомъ уѣздѣ за полную обработку и уборку „круга“, т. е. сороковой десятины (3,200 кв. саж.) озимаго хлѣба и такой же десятины ярового при нормальныхъ условіяхъ платятъ не ниже 22 рублей, тогда какъ при зимнемъ наймѣ всего 12 рублей.

Особенно рѣзкая разница между цѣнами зимняго и лѣтняго найма была обнаружена въ одномъ изъ уѣздовъ при наймѣ рабочихъ для обработки одной десят. поля подъ картофель съ уборкой его. Обычная стоимость этой работы 25 р., тогда какъ при зимнемъ наймѣ платятъ всего 10 р.

Приведенныя данныя, казалось-бы, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно разорительности для крестьянъ преждевременнаго найма.

Землевладѣльцы объясняютъ свой образъ дѣйствій обыкновенно тѣмъ, что выдавая задатки, они рискуютъ этой разницей въ цѣнахъ покрываютъ убытки, причиняемые крестьянами, неисполнившими своихъ обязательствъ. Но изъ вышеприведенныхъ цифровыхъ

данныхъ видно, что нарушенія договоровъ кресть
янами представляютъ рѣдкія исключенія, а по-
тому этотъ сверхлихвенный процентъ, взимаемый нани-
мателями за ссуду подъ будущія работы, не можетъ
быть оправданъ мнимымъ рискомъ и объясняется про-
сто крайне малымъ нравственнымъ ихъ цензомъ и ко-
рыстолюбивыми побужденіями.

Многіе крестьяне не получаютъ, однако, и той
платы, которую заработали при такихъ тяжелыхъ усло-
віяхъ, такъ какъ имъ часто платятъ не деньгами, а на
турой — разными продуктами по произвольнымъ цѣ-
намъ, а также такъ называемыми „ярлыками", т. е
записочками на предъявителя, въ которыхъ обозначена
лишь сумма.

Уплата денегъ по этимъ ярлыкамъ производилась
экономіями крайне неаккуратно и часто задерживалась
на годъ и болѣе.

Нуждаясь въ деньгахъ, крестьянинъ не могъ такъ
долго держать ярлыкъ, а потому продавалъ его съ боль-
шой скидкой, достигавшей иногда 50 к. на рубль.

Ярлыковъ у крестьянъ скоплялось иногда на
очень большую сумму. Такъ, въ одной волости ко
времени взысканія податей въ 1895 году ихъ скопилось
на 10,000 рублей. Въ одномъ изъ уѣздовъ сдѣлано
было распоряженіе принимать ихъ въ уплату податей
но вскорѣ пришлось это распоряженіе отмѣнить, такъ
какъ экономіи слишкомъ задерживали уплату по ярлы-
камъ. Ярлычная система особенно была развита
именно въ крупныхъ экономіяхъ. Недоѣдавшимъ
крестьянамъ предлагали въ погашеніе ярлыка крупу
муку, соль и пр. продукты, конечно по цѣнамъ, назна-
чаемымъ экономіей.

Теперь легко себѣ представить, что получалъ за
работу крестьянинъ, нанявшійся по пониженной цѣнѣ
и получившій въ уплату ярлыкъ, который вынужденъ
былъ продать за полцѣны!

Такимъ образомъ выраженіе „надѣть хомутъ съ
осени" представляется очень нѣжнымъ опредѣленіемъ
зимняго найма; не будетъ преувеличеніемъ, если слово
хомутъ замѣнить словомъ петля

Это зло могло бы быть доведено до минимума, если бы къ нанимателямъ примѣнять въ такихъ случаяхъ ст. 45 пол. о наймѣ на сел. работы, обязывающую „приплачивать по полкопѣйки съ рубля недоданной суммы за каждый день просрочки". Но для этого необходимо, чтобы на ярлыкахъ точно обозначался срокъ ихъ выдачи.

Итакъ, въ силу условнаго пониманія правъ и обязанностей нанимателя за предполагаемую только неисправность сельскаго рабочаго взимаютъ сверхлихвенный процентъ, а за свою дѣйствительную неисправность не платятъ ему ничего.

Въ договорахъ они въ точности перечисляютъ обязанности рабочаго и свои права, но ни слова не говорятъ о своихъ обязанностяхъ. Послѣднія сводятся къ уплатѣ заработанныхъ денегъ въ указанный въ договорѣ срокъ, но при расплатѣ ярлыками срокъ уплаты денегъ замѣняется срокомъ уплаты по ярлыку. срокъ же уплаты по ярлыку не обозначается.

Иначе говоря, наниматели за ссуду крестьянамъ денегъ подъ работы взимаютъ ростовщическій процентъ, а за самовольный заемъ денегъ у крестьянъ подъ росписку (ярлыкъ) не платятъ ни гроша, конечно, не оплачивая при этомъ гербовымъ сборомъ подобнаго денежнаго документа.

VIII.

Нужна ли крестьянская община?

Какъ и слѣдовало ожидать, земельный вопросъ первоначально былъ возбужденъ въ Государственной Думѣ не самостоятельно и, можно даже сказать, по горькой необходимости въ связи съ обсужденіемъ закона 9 ноября о выходѣ изъ общины, такъ какъ для разсмотрѣнія названнаго вопроса во всемъ его объемѣ не имѣется достаточно статистическо-экономическихъ свѣдѣній. Естественно поэтому, что и Г. Дума и прес-

са вступили на путь чисто теоретическихъ разсужденій о томъ, нужно ли всячески оберегать общину отъ разрушенія или, напротивъ того, нужно, чтобы она поскорѣе отошла въ область преданія, какъ и ея опора—круговая порука?

Но по истинѣ удивительно, что въ средѣ „народныхъ" представителей находятся сочувствующіе нынѣшней крестьянской общинѣ, или „искусственно созданнымъ первобытной податной системой подневольно-сословнымъ общинамъ", какъ выразился главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ. За то вполнѣ понятно, почему это деспотическое учрежденіе нашло защитниковъ на свободолюбивомъ лѣвомъ флангѣ Г. Думы.

Я сказалъ „нынѣшняя" крестьянская община потому, что община въ высокомъ смыслѣ этого слова для истиннаго христіанина является идеаломъ человѣческой жизни; община же, о которой теперь идетъ рѣчь, конечно, съ этимъ идеаломъ ничего общаго не имѣетъ, такъ какъ первая представляетъ собою кругъ людей, соединенныхъ въ одно цѣлое узами закона, а вторая узами христіанской любви. Первая удерживаетъ своихъ членовъ даже противъ ихъ желанія, а вторая никого силой не удерживаетъ и одинаково благословляетъ, какъ приходящаго, такъ и уходящаго.

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на крестьянскую общину съ правовой точки зрѣнія и вы легко убѣдитесь, что въ основѣ ея лежитъ деспотическая сила толпы и при томъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, толпы темной, завистливой, эгоистичной, однимъ словомъ испорченной до мозга костей, готовой часто продать свое собственное благополучіе за нѣсколько ведеръ водки.

Въ экономическомъ же отношеніи община эта является непреодолимой преградой для всякаго прогресса въ дѣлѣ веденія крестьянскаго хозяйства.

Каждый, кому приходилось жить въ деревнѣ, навѣрно часто слышалъ полный затаенной обиды, горечи, а порою и злобы, возгласъ: „что подѣлаешь! противъ міра не пойдешь!"

Нѣкоторые защитники общины, какъ на доказательство стремленія народа сохранить ее, указывали на нежеланіе крестьянъ отводить участки къ одному мѣсту выходящимъ изъ общины. Но это могутъ утверждать лишь люди либо явно злонамѣренные, либо совершенно незнакомые съ бытомъ крестьянъ-общинниковъ.

Изъ десяти въ девяти случаяхъ, какъ я могъ убѣдиться на основаніи собственнаго опыта жизни человѣка, выросшаго въ деревнѣ, и въ качествѣ управляющаго казенной палатой въ одной изъ черноземныхъ губерній,—причина подобныхъ отказовъ крестьянъ въ выдѣлкѣ участковъ не экономическая, а нравственная.

Крестьяне на выходящаго изъ общины смотрятъ обыкновеннно съ завистью, совершенно такъ, какъ смотритъ заключенный въ тюрьму на выходящаго на волю товарища по несчастью.

Терпи вмѣстѣ съ нами! Вотъ тѣ обычныя слова, которыя приходится слышать смѣльчакамъ, желающимъ не только выйти изъ общины, но отгородиться отъ нея въ буквальномъ смыслѣ слова.

„Община существенно необходима русскому народу“, заявилъ одинъ изъ ораторовъ въ Г. Думѣ. Но онъ не привелъ никакихъ убѣдительныхъ подтвержденій своимъ словамъ и не могъ привести потому, что община существуетъ, какъ таковая, лишь на страницахъ общаго пол. о крест., въ дѣйствительности же она давно превратилась, какъ я упомянулъ выше, въ нѣчто схожее съ акціонерными собраніями.

Въ этихъ собраніяхъ говорятъ и дѣйствуютъ „акціонеры“ по волѣ того, кому принадлежатъ розданныя на время акціи, а община обыкновенно находится въ рукахъ нѣсколькихъ коноводовъ, частію въ рукахъ міроѣдовъ, ростовщиковъ, горлановъ и нахаловъ, грозящихъ кулаками и краснымъ пѣтухомъ. Кромѣ того, въ виду упадка нравственности, почти всегда, когда предстоитъ рѣшить вопросъ „міру“, заинтересованныя лица выступаютъ съ ведрами водки, и тогда сходъ собирается лишь для того, чтобы высказать заранѣе при-

готовленное рѣшеніе и именно то, которое наиболѣе было смочено водкой.

Вотъ, между прочимъ, почему отчасти правъ д. Челышевъ, придающій столь большое значеніе уничтоженію пьянства въ народѣ. Община, какъ я сказалъ, губитъ всякое прогрессивное движеніе въ сельскомъ хозяйствѣ и главнымъ образомъ потому, что ни одинъ членъ ея не смотритъ на свой надѣлъ, какъ на свою собственность.

Ему все кажется, что вотъ завтра будетъ передѣлъ и его трудомъ, его выхоленной землей воспользуется сосѣдъ. Результатомъ этого является апатія и настолько плохая обработка земли, что общинный черноземъ оказывается менѣе производительнымъ, чѣмъ суглинокъ подворнаго владѣльца въ Царствѣ Польскомъ, и вслѣдствіе этого одна десятина суглинка въ этомъ краѣ кормитъ цѣлую семью, а русскій крестьянинъ умираетъ съ голоду на пяти десятинахъ чернозема.

Такъ, напримѣръ, въ черноземной части Тамбовской губерніи средній урожай ржи у крестьянъ не превышаетъ 50 пуд. съ десятины, а въ Радомской губ., даже въ той ея части, гдѣ почва посредственная,—70 пуд. А вѣдь польскій крестьянинъ еще младенецъ по сравненію съ нѣмецкимъ крестьяниномъ, который со столь же плохой земли получаетъ 120—150 пуд. съ десятины.

Объявись въ общинѣ хотя одинъ просвѣщенный человѣкъ и попробуй онъ заводить новшества въ хозяйствѣ, какъ община тотчасъ же поставитъ его на прежнее мѣсто деспотической рукой міра.

Учить вздумалъ!—насмѣшливо скажутъ закоренѣлые общники. Да если-бы община и отнеслась равнодушно къ новатору, все равно у него будутъ связаны руки общинными порядками дѣдовъ и прадѣдовъ и все равно ему не вырваться изъ заколдованнаго трехполья, всосавшагося въ плоть и кровь русскаго крестьянина.

Посмотрите теперь, какъ обезличиваетъ человѣка община, благодаря только существованію ст. 188 общ. пол. о крест.

На основаніи п.п. 2 и 3 этой статьи темная въ умственномъ и нравственномъ отношеніи толпа, завистливая, продажная, часто безвольная, именуемая въ крестьянской средѣ „міромъ", можетъ распорядиться каждымъ своимъ членомъ буквально какъ рабомъ, т. е. можетъ „отдать" (какъ это слово напоминаетъ крѣпостное право!), „въ посторонніе заработки" каждаго неисправнаго плательщика податей и даже разлучить съ семьей, посылая его съ тою же цѣлью „въ другія неотдаленныя губерніи". Къ недоимщику, хотя и совершеннолѣтнему и находящемуся въ здравомъ умѣ, „міръ" можетъ опредѣлить „опекуна", безъ разрѣшенія котораго хозяинъ не имѣетъ права ничего продать изъ своего хозяйства. Мало того, этотъ „міръ" можетъ внести полную деморализацію въ любую семью, „назначивъ старшимъ въ домѣ другого члена той же семьи", т. е. подчинивъ старика отца мальчишкѣ сыну!

Неужели такая община съ такими ужаснымн правами при темнотѣ и деморализованности крестьянъ можетъ быть нужна русскому народу?!

Что же удивительнаго, если изъ нея рвется все молодое, энергичное, предпріимчивое, жаждущее свободы и простора для своего труда, и что это молодое не пускаютъ закоренѣлые общинники, давно утратившіе свою самостоятельность подъ вліяніемъ силы „міра" и признающіе поэтому только одинъ лозунгъ: какъ міръ, такъ и я.

Теперь станетъ вполнѣ понятнымъ, почему такъ дорога революціонерамъ обезличенная община. На нее они могутъ дѣйствовать черезъ главарей, и только такую общину они могутъ подбить на злодѣйства до „иллюминаціи" включительно.

Община сама по себѣ великая и прекрасная культурная сила, если она образуется изъ людей, соединяющихся добровольно и сознательно во имя одной высокой идеи. Но если община представляетъ собою людей, противъ ихъ воли сбитыхъ въ одну кучу и скованныхъ для прочности одною цѣпью, то такая община — не культурная, а темная сила, вредная для государства.

А вѣдь наша крестьянская община, созданна „первобытной податной системой", въ сущности тольк сборище людей, не имѣющихъ одной общей идеи постоянно болѣзненно чувствующихъ, что они скован другъ съ другомъ какъ арестанты.

Почему, наконецъ, можно бы спросить защитни ковъ общины, они не требуютъ возрожденія кругово поруки, безъ которой община не община, а толпа? По чему они не посылали петицій правительству о сохра неніи ея ради сохраненія цѣлости общины? Напротив того, никто не защищалъ круговой поруки, видя въ не вопіющую несправедливость и осколокъ отъ крѣпостно го права.

Такимъ же, не лучшимъ осколкомъ является недобровольная община, а потому отмѣна ея будет естественнымъ шагомъ вслѣдъ за отмѣной кругово поруки и выкупа. Это путь постепеннаго раскрѣпо щенія крестьянъ, и онъ былъ указанъ незабвенным Царемъ-Освободителемъ въ Его манифестѣ.

Поэтому только тогда, когда отойдетъ въ вѣчност послѣднее воспоминаніе о крѣпостномъ правѣ—общи на, крестьянинъ въ состояніи будетъ съ облегченным сердцемъ исполнить завѣтъ Государя: „осѣни себ крестнымъ знаменіемъ православный народъ и призо ви съ Нами Божіе благословеніе на твой свободны трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и благ общественнаго". Говоря иначе, когда крестьянинъ н будетъ чувствовать надъ собою деспотической рук „міра", тогда только онъ и пойметъ, что значитъ обѣ щанный ему свободный трудъ, котораго въ общинѣ быть не можетъ.

IX.

Крестьянскіе передѣлы.

Оглядываться время отъ времени назадъ бывает полезно, хотя бы только для того, чтобы сообразит далеко ли ушелъ и скоро ли придешь къ намѣченно

дѣли. Также точно не безполезно оглянуться теперь на утвержденную Г. Думой статью первую „закона 9 ноября", чтобы спокойно взвѣсить, насколько одобренная редакція означенной статьи приближаетъ крестьянство къ той цѣли, которую намѣтили народные представители.

По поводу этой статьи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Лыкошинъ высказалъ, что правительство, вполнѣ соглашаясь съ думской комиссіей относительно признанія обществъ, гдѣ вовсе не было передѣловъ, перешедшими отъ общиннаго къ подворному владѣнію, тѣмъ не менѣе затрудняется присоединиться къ развитію этой мысли, что общества, въ которыхъ не было передѣловъ въ теченіе 24 лѣтъ, не считаются болѣе общинными, такъ какъ принятіе этого второго положенія могло бы ввести начало принудительности, чего правительство не желаетъ

Не смотря однако на это дѣйствительно серьезное замѣчаніе, Г. Дума большинствомъ 185 противъ 179 голосовъ признала, что отсутствіе передѣловъ въ теченіе послѣднихъ 24 лѣтъ служитъ доказательствомъ того, что общество перешло къ наслѣдственно-участковому владѣнію, т. е., говоря проще, что общество не производило въ теченіе такого долгаго срока передѣла земли на наличныя души только потому, что совершенно сознательно не желало иного распредѣленія надѣльной земли, которое удачно произвела сама жизнь.

На основаніи собственной практики позволю себѣ высказать и подтвердить случаемъ изъ крестьянской жизни, что со времени оскудѣнія крестьянъ и появленія въ деревняхъ такъ называемыхъ міроѣдовъ, сосредоточившихъ всякими правдами и неправдами въ своемъ владѣніи крупные куски надѣльныхъ земель, передѣламъ была положена прочная преграда. Благодаря давленію со стороны богатыхъ, несмотря на то, что бѣднота во всѣхъ селеніяхъ составляетъ подавляющее большинство, на сельскихъ сходахъ получались прямо невѣроятные приговоры въ отношеніи передѣловъ. Поэтому часто оказывалось, что эта бѣднота, только что рѣшившая передѣлъ земли, вдругъ высказывала

своимъ приговоромъ, что она вполнѣ довольна тѣмъ количествомъ земли, которое есть, а слѣдовательно и тѣмъ, что ея слишкомъ много у нѣсколькихъ богачей.

Это происходило всегда потому, что запуганная богачами по горло задолженная имъ бѣднота, пропагандировавшая передѣлъ по наличнымъ душамъ, на сельскихъ сходахъ боялась высказаться за непріятный для ея кредиторовъ передѣлъ, вслѣдствіе чего совсѣмъ было налаженное дѣло рушилось.

Въ подтвержденіе высказаннаго положенія позволю себѣ привести одинъ фактъ, который, я полагаю, послужить достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ того, что отсутствіе передѣловъ въ селеніи въ теченіе даже 24 лѣтъ иногда является не слѣдствіемъ того, что крестьяне фактически перешли къ подворному владѣнію, а того, что они вслѣдствіе своей бѣдности попали въ новую крѣпостную зависимость къ сельскимъ богачамъ.

Описываемый мною ниже фактъ, имѣвшій мѣсто въ Тамбовской губерніи въ 1897 году, конечно долженъ быть хорошо извѣстенъ и членамъ Г. Думы отъ названной губерніи, такъ какъ о немъ въ то время было много толковъ, и если бы они ограничились даже только сообщеніемъ этого факта, то и тогда, я полагаю, у многихъ изъ подавшихъ голосъ за предложенную комиссіей редакцію статьи возникло бы сомнѣніе относительно второй ея части, противъ которой возражалъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ.

А фактъ этотъ таковъ. Въ мартѣ 1898 года мнѣ, какъ управляющему въ то время тамбовской казенной палатой, было подано прошеніе крестьянъ села Ольховки, Усманскаго уѣзда, въ которомъ они просили меня войти въ ихъ „горькое положеніе и помочь въ ихъ несчастіяхъ“. Несчастія, по увѣренію просителей, заключались въ томъ, что изъ 315 домохозяевъ „находилось десятка два дворовъ, которые исправно платятъ всѣ сборы“, и что у всѣхъ остальныхъ дворовъ очень большія недоимки, доходящія до 300 руб. на дворъ, и „всѣ такіе дворы (съ крупной недоимкой) по многу земли имѣютъ, а подати плохо платятъ, а у другихъ

дворовъ земли почитай совсѣмъ нѣтъ". Земли въ томъ селеніи были подѣлены на ревизскія души. „Отъ этого дѣлежа, писали крестьяне, между нами несогласіе идетъ и подати застаиваются".

Вслѣдствіе этого крестьяне собрались въ августѣ 1897 г. на сходъ, чтобы передѣлить землю на наличныя души. На сходѣ было 245 домохозяевъ, изъ коихъ только 45 были „несогласники". Но, къ удивленію крестьянъ, когда земскій начальникъ пріѣхалъ черезъ три мѣсяца провѣрить приговоръ, то оказалось, что за передѣлъ на наличныя души стояло лишь 127 человѣкъ, а противъ 150. При чемъ, какъ жаловались крестьяне, земскій начальникъ допустилъ на сходъ „безголосныхъ", т. е. не имѣющихъ права голоса и бабъ, и „вотъ, писали крестьяне, теперь у насъ опять дѣлежка земли будетъ итти попрежнему, опять у однихъ дворовъ, за которыми подати застаиваются, будетъ по многу земли, а другимъ многосемейнымъ голодать придется, и опять между нами вражда пойдетъ".

Указаніе крестьянъ на неправильныя дѣйствія земскаго начальника побудили меня настаивать въ крестьянскомъ присутствіи, чтобы была произведена провѣрка жалобы крестьянъ.

Присутствіе согласилось, поручило разслѣдованіе другому земскому начальнику, который объяснилъ, что на сходахъ 12 іюля и 29 августа 1898 г., несмотря на всѣ убѣжденія, число голосовъ за передѣлъ не достигло законныхъ $^2/_3$. Но 29 августа число желающихъ было уже болѣе и съ этого числа въ теченіе недѣли къ нему ежедневно являлись новыя лица изъ числа ранѣе несогласныхъ и заявляли свои просьбы внести ихъ въ число согласныхъ. Наконецъ, 6 сентября, на сельскомъ сходѣ крестьяне очевидно набрались храбрости, и число желавшихъ передѣла достигло 206 изъ 303 общаго числа явившихся на сходъ домохозяевъ, а потому и оставленъ былъ приговоръ о передѣлѣ земли на наличныя души срокомъ на 12 лѣтъ.

Я пропускаю нѣкоторыя прискорбныя явленія, имѣвшія мѣсто за время, пока тянулось это дѣло, хотя

эти явленія дополняютъ картину тѣхъ трудностей, ко-
торыя приходится частенько преодолѣвать большин-
ству, состоящему изъ бѣдноты, чтобы склонить болѣе
трусливыхъ товарищей открыто подать голосъ противъ
богачей. такъ какъ, полагаю, достаточно и того факта
который я привелъ.

Теперь можетъ возникнуть вопросъ, является ли
приведенный фактъ борьбы крестьянъ за передѣлъ пе-
чальнымъ исключеніемъ изъ общаго правила, или, на-
оборотъ, онъ представляетъ собою счастливое исклю-
ченіе въ этой неравной борьбѣ бѣдныхъ сторонниковъ
передѣловъ съ богатыми всегдашними противниками
ихъ?

На эти вопросы категорическій отвѣтъ можетъ
дать только подробное изслѣдованіе условій быта
крестьянъ, тѣмъ не менѣе, на основаніи собственнаго
опыта, беру смѣлость утверждать, что отсутствіе пере-
дѣловъ надѣльныхъ земель вовсе не доказываетъ, какъ
заключила Г. Дума, что крестьяне сознательно перешли
къ подворному владѣнію, а лишь подтверждаетъ тотъ
грустный фактъ, что подъ гнетомъ бѣдности и частной
задолженности крестьяне не рѣшаются вступать въ не-
равную борьбу съ своими кредиторами, и если, какъ
это имѣло мѣсто въ деревнѣ Ольховкѣ, они рѣшились
на эту борьбу, то, какъ видно и изъ ихъ прошенія, лишь
въ надеждѣ на мою защиту ихъ справедливаго дѣла.
А тотъ фактъ.—что и убѣдившись въ моей поддержкѣ
и того земскаго начальника. которому поручено было
произвести провѣрку жалобы, они тѣмъ не менѣе не
сразу, а въ одиночку точно тайкомъ бѣгали къ земскому
начальнику, чтобы вычеркивать свои имена изъ спис-
ковъ подневольныхъ несогласниковъ и заносить ихъ
въ списки согласниковъ, — только доказываетъ, въ ка-
кихъ ежевыхъ рукавицахъ держатъ сходы богачи и мі-
роѣды...

Не будь описаннаго случая и не совершись пере-
дѣлъ земли въ Ольховкѣ, то, по силѣ вышеупомянуто-
статьи первой новаго закона, ольховскіе крестьяне бы-
ли бы отнесены къ категоріи тѣхъ, которые доброволь-

но и сознательно перешли къ подворному владѣнію, но какъ это было бы далеко отъ истины!?

Вотъ почему можно искренно пожалѣть, что Г. Дума не приняла во вниманіе справедливаго замѣчанія товарища министра внутреннихъ дѣлъ г. Лыкошина. и что представители отъ крестьянъ Тамбовской губерніи не сообщили Г. Думѣ назидательной исторіи передѣла земли въ деревнѣ Ольховкѣ.

X.

Охрана земли.

Происходившія въ Г. Думѣ и въ прессѣ сужденія объ общинѣ, передѣлахъ крестьянской земли, а затѣмъ о семейной собственности, которая должна, будто бы служить охраной земли отъ того, чтобы ея не пропили, лишь убѣждаютъ въ страшной, часто непреодолимой трудности обсужденія сложныхъ аграрныхъ вопросовъ, не располагая положительными и при томъ подробными свѣдѣніями о весьма разнообразныхъ условіяхъ быта крестьянъ.

Благодаря недостатку, а вѣрнѣе отсутствію этихъ свѣдѣній, пренія въ Г. Думѣ и споры на столбцахъ газетъ носятъ характеръ разговоровъ умныхъ диллетантовъ, не имѣющихъ возможности опредѣлить, насколько далеки они въ своихъ мысляхъ отъ дѣйствительной крестьянской жизни.

Такое именно впечатлѣніе производитъ „блестящая“ и „сильная“, по увѣренію нѣкоторыхъ газетъ, рѣчь одного изъ депутатовъ отъ крестьянъ. Крестьянскій представитель все время старался убѣдить членовъ Г. Думы въ нелюбви русскаго крестьянина къ своей земли и готовности ее пропить при первомъ удобномъ случаѣ.

Во избѣжаніе этого необходимо, по мнѣнію оратора, крестьянина прочно приковать къ землѣ на законномъ основаніи, чего прекрасно можно достигнуть уза-

коненіемъ „семейной собственности", т. е., говоря про-
ще, установленіемъ, вмѣсто одной никуда негодной об-
щины, множества маленькихъ семейныхъ общинъ а
вѣрнѣе даже маленькихъ республикъ въ чисто проле-
тарскомъ духѣ, гдѣ всѣ члены—дѣти и старцы—поль-
зуются одинаковыми правами въ отношеніи распоря-
женія землей.

Едва-ли надо послѣ всѣхъ уже высказанныхъ воз-
раженій доказывать, что всѣ эти республики создадутъ
вѣчную междоусобицу и полный развалъ крестьянской
семьи, но, спрашивается, нуждается ли земля дѣйстви-
тельно въ подобной охранѣ ея, и на какомъ основаніи
надо опасаться, что русскій крестьянинъ поспѣшитъ
промѣнять ее на шкаликъ водки?

Всѣ защитники семейной собственности, какъ въ
Г. Думѣ, такъ и въ прессѣ, ничѣмъ не могли подтвер-
дить свои слова, кромѣ какъ голословнымъ увѣреніемъ
что крестьянская земля нуждается въ охранѣ ея зако-
номъ о семейной собственности, и что эта послѣдняя
близка сердцу русскаго народа; противники же ея столь
же голословно утверждали, что крестьянинъ не про-
пьетъ ни земли, ни лошади, ни телѣги и что всегда
землей распоряжался и распоряжается глава семьи
члены же ея имѣли и имѣютъ во всѣхъ семейныхъ дѣ-
лахъ лишь совѣщательный голосъ.

При такихъ условіяхъ, конечно ни та, ни другая
сторона не могла поколебать взглядовъ своего против-
ника, а потому побѣда останется на той сторонѣ, гдѣ
больше окажется единомышленниковъ, а такъ какъ
противниковъ семейной собственности повидимому
больше, то несомнѣнно судьба ея будетъ такая же
какъ и судьба общины, причемъ большая публика все
таки останется въ сомнѣніи на счетъ того, кто изъ спо-
рящихъ правъ?

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ же образомъ могъ возник-
нуть подобный споръ объ охранѣ земли, когда всѣ
партіи сходились на томъ, что нашъ крестьянинъ лю-
битъ свою землю, которую справедливо съ сыновней
нѣжностью называетъ своею „кормилицей"!? Вѣдь
только непоколебимая вѣра въ эту истину и могла по-

будить лѣвыхъ требовать передачи всей земли крестьянамъ, такъ какъ, утверждали они, тогда только земля и будетъ находиться въ надлежащихъ рукахъ

И вотъ теперь вдругъ оказывается, по словамъ тѣхъ же лѣвыхъ народолюбцевъ, что эти съ любовью протягивающіяся къ землѣ руки вовсе не надежны, а потому для вѣрности надо ихъ приковать къ землѣ, чтобы они не стащили ее въ кабакъ?

Не только какъ человѣкъ, выросшій въ деревнѣ, но и какъ должностное лицо, по роду своей службы довольно близко знакомый съ условіями экономическаго быта крестьянъ, позволю себѣ утверждать — и не безъ доказательствъ,— что подобное обвиненіе крестьянъ въ склонности пропивать свою землю я считаю совершенною несправедливостью.

Любовь крестьянина къ землѣ не подлежитъ сомнѣнію уже потому, что если бы это было не такъ, то въ мѣстностяхъ, гдѣ пьянство особенно развито, непремѣнно должны бы быть и частые случаи пропиванія земли, такъ какъ вѣдь пропивать ее кулакамъ и міроѣдамъ изъ крестьянъ же можно и при общинномъ землевладѣніи. Но этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ, а если бы и было, то тотъ же депутатъ отъ крестьянъ привелъ бы по этому предмету цифровыя данныя или указалъ бы, по крайней мѣрѣ, мѣстности, въ которыхъ можно найти подтвержденіе его словамъ Я же, напротивъ того, позволю себѣ указать такіе районы, въ которыхъ можно найти доказательства противорѣчащія высказанному положенію.

Въ Елатемскомъ и Моршанскомъ уѣздахъ, Тамбовской губерніи, есть нѣсколько волостей, взрослые крестьяне въ которыхъ занимаются по преимуществу отхожимъ промысломъ. Возвращаясь на зиму въ деревню съ деньгами, они сразу принимаются за пьянство Пьютъ всѣ—мужчины и женщины, молодые и старые и даже подростки Часто пропивается все, что можно снести въ кабакъ, а потому, уходя весною на заработки, пропившіеся крестьяне едва имѣютъ возможность добраться до мѣста работъ. Но земля всетаки сохраняется и обрабатывается остающимися въ де-

ревнѣ женщинами и подростками. Сохраняется она несмотря на свое весьма плохое качество и вовсе не потому, чтобы ее нельзя было продать, а деньги пропить, но потому, что и въ отравленныхъ водкой мозгахъ не угасаетъ проникшая въ плоть и кровь мысль, что земля неприкосновенна, и что какъ бы она ни была плоха, всетаки остается „кормилицей".

Эти мои слова вѣроятно не откажутся подтвердить и представители въ Г. Думѣ отъ Тамбовской губерніи.

Такимъ образомъ, если въ мѣстностяхъ, въ которыхъ до высшаго предѣла развито пьянство среди крестьянъ, земля безъ всякой охраны ея, всетаки не пропивается, то тѣмъ болѣе нѣтъ основанія опасаться такой безумной расточительности тамъ, гдѣ пьяницы составляютъ исключеніе

Конечно, если исходить изъ того положенія, что масло каши не портитъ, то и землю можно охранять даже тамъ, гдѣ въ этой охранѣ нѣтъ надобности, но мѣрами, необременительными для трезвыхъ крестьянъ и ужъ во всякомъ случаѣ не такими, которыя не только оскорбляютъ человѣческое достоинство главы семьи, но еще и вносятъ въ нее явный разладъ.

Сказать, что крестьянинъ пьяница и пропьетъ вслѣдъ за лошадью и возомъ и свою землю, конечно очень легко, но не легко это доказать цифрами; цифръ же, которыя подтверждали бы это, въ дѣйствительной жизни крестьянъ и не существуетъ.

А съ другой стороны, какъ же понимать такъ долго раздававшееся увѣреніе слѣва, что крестьянинъ вполнѣ созрѣлъ, самъ знаетъ, что ему необходимо, а потому и не нуждается въ опекѣ? Между тѣмъ семейная собственность—это обиднѣйшая опека, допустимая лишь въ случаѣ слабоумія или расточительности главы семьи. Но для подобныхъ несчастій существуетъ судъ, который и можетъ ограничить права такого главы семьи.

Наконецъ, семейная собственность не только не можетъ быть близка сердцу русскаго народа, а напротивъ того, она противорѣчитъ тому патріархальному

началу, которое еще существуетъ и до сего времени въ крестьянской средѣ и которое только нѣсколько поколебалось за время „освободительнаго“ движенія, когда разнузданная крестьянская молодежь позволяла себѣ, и то въ немногихъ мѣстностяхъ, насильничать надъ стариками.

Этими стариками, пока они еще живы, и сохраняется семья отъ развала, который грозилъ ей во многихъ мѣстностяхъ, объятыхъ пламенемъ смуты, а потому дѣлить власть между стариками и ихъ дѣтьми было бы равносильно раздуванію потухающей искры революціи.

Самой надежной охраной земли пока служитъ живущее въ крестьянахъ глубокое и твердое сознаніе, что земля кормилица русскаго народа, и когда это сознаніе ослабѣетъ, то не поможетъ и законъ о семейной собственности, такъ какъ тогда землю станутъ продавать всѣ тѣ, кто охладѣлъ къ земледѣлію. Но вѣдь для развитія этого послѣдняго и не нужны охладѣвшіе къ землѣ крестьяне.

XI.

Къ вопросу о пьянствѣ въ деревнѣ.

Очень долгое время большая часть нашей интеллигенціи признавала, что крестьянинъ не можетъ остаться безъ опеки, къ которой онъ будто бы привыкъ при крѣпостномъ правѣ. Опекали его сначала мировые посредники, исправники со становыми, затѣмъ къ нимъ прибавили земскихъ начальниковъ.

И вотъ началось „движеніе“, и не простое, а „освободительное“, и крестьянинъ, по увѣренію „освободителей“ сразу изъ ребенка превратился во взрослаго. Ничего подобнаго въ дѣйствительности конечно не происходило, но главарямъ „движенія“ просто невыгодно было признавать попрежнему народъ ребенкомъ, темнымъ, а въ особенности его выходцевъ — фабричныхъ „товарищей“. Поэтому вся лѣвая пресса

какъ по командѣ завопила, что народъ „созрѣлъ“, что довольно его водить на помочахъ, такъ какъ онъ уже самъ теперь понимаетъ, что для него хорошо, что дурно, что вредно и что полезно. Когда же обнародованъ былъ манифестъ 17 октября, то къ хвалебному гимну народной зрѣлости присоединились увѣренія въ томъ, что крестьянинъ вполнѣ сознательно отнесется и къ выборамъ своихъ представителей въ Г. Думу, потому что онъ уже давно знакомъ съ этимъ дѣломъ, выбирая земскихъ гласныхъ, волостныхъ старшинъ и остальныхъ болѣе мелкихъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ. Однимъ словомъ, если повѣрить „освободителямъ“, нашъ крестьянинъ вполнѣ созрѣлъ не только для конституціи, но и для республики, конечно пролетарской.

Несмотря однако на то, что благодаря стараніямъ лѣвыхъ за народомъ было укрѣплено званіе „сознательнаго“, вдругъ стали раздаваться старые возгласы о его темнотѣ, немощности и необходимости опеки, безъ которой онъ не только пропьется, но и сопьется! Сократите продажу водки, совѣтуютъ одни. Уничтожьте вовсе продажу этого чертова зелья, кричатъ другіе. Народъ теменъ, онъ не сознаетъ, какое зло въ пьянствѣ, увѣряютъ третьи.

Говоря иначе, народъ, оказывается, все еще находится въ дѣтскомъ возрастѣ, и опека ему нужна попрежнему.

Новаго въ этихъ словахъ, конечно, ничего нѣтъ, и правительство ни одной минуты не могло находиться подъ впечатлѣніемъ раздававшихся слѣва увѣреній о зрѣлости народной, а тѣмъ болѣе оно не могло сомнѣваться въ необходимости регулированія потребленія народомъ водки. Съ этой цѣлью сначала была упразднена откупная система, затѣмъ были закрыты кабаки, и наконецъ установлена казенная продажа вина изъ казенныхъ же лавокъ, а въ видахъ отвлеченія народа отъ пьянства были открыты чайныя. Жизнь однако убѣдила, что всѣ эти мѣры слишкомъ слабы для борьбы съ постепенно развивавшимся пьянствомъ. Въ чайныя пошли, и то въ очень небольшомъ количествѣ,

трезвые, а пьяницы потянулись въ винныя лавки, которыя хотя и не спаиваютъ народъ подобно кабакамъ, однако и не сокращаютъ потребленія вина. И вотъ стали раздаваться все громче и громче голоса, что чайныя безполезны и что при монопольной системѣ пьютъ еще больше прежняго.

„Пьяный вопросъ", благодаря депутату Челышеву, сталъ моднымъ, и затѣмъ на всѣ лады стали судить и рядить о злѣ пьянства и необходимости борьбы съ нимъ.

Сомнительно, однако, чтобы спорящіе договорились до конца Какъ мода на костюмы, также точно и мода на вопросы у насъ проходитъ очень скоро, и нерѣдко жгучій вопросъ столь же внезапно сходитъ со сцены, сколь внезапно былъ возбужденъ.

Дѣло, конечно, не въ сокращеніи или прекращеніи продажи водки, такъ какъ на смѣну закрытымъ виннымъ лавкамъ явится тайная продажа водки, благодаря чему начнется еще злѣйшее пьянство, чѣмъ то, которое было въ кабакахъ, а дѣло въ томъ, что народъ, какъ былъ, такъ и по сіе время остается темнымъ въ умственномъ отношеніи, а благодаря „движенію" онъ на нѣсколько ступеней опустился и въ нравственномъ отношеніи.

Надо скорѣе лѣчить душу народа и просвѣтлять его разумъ. Безъ этого никакія винныя репрессіи, рекомендуемыя Челышевымъ, успѣха имѣть не могутъ и даже полное отсутствіе винныхъ лавокъ въ пьяномъ округѣ водки не убавитъ, а только сдѣлаетъ ее тамъ дороже и болѣе вредной для здоровья. Корчемство въ сто кратъ вреднѣе кабаковъ.

Для доказательства этого положенія не нужны ни статистическія, ни экономическія свѣдѣнія: это понятно само собой, благодаря жизненной практикѣ.

Полезнѣе было бы для рѣшенія „пьянаго вопроса" произвести изслѣдованіе причинъ отсутствія пьянства въ трезвыхъ раіонахъ. При такихъ изслѣдованіяхъ навѣрно въ очень многихъ случаяхъ обнаружи-

лось бы, что причины трезвости населенія кроются не въ экономическихъ условіяхъ, а въ нравственныхъ. Навѣрно оказалось бы, что въ такомъ трезвомъ раіонѣ есть „батюшка", пользующійся уваженіемъ и авторитетомъ, который укрѣпился за нимъ потому, что слово и дѣло пастыря идутъ рука объ руку. Навѣрно тамъ и сельскій учитель не изгоняетъ Бога изъ школы и учитъ крестьянскихъ дѣтей въ духѣ христіанской морали. Найдется, быть можетъ, и помѣщикъ, котораго крестьяне называютъ „добрый баринъ"; въ счастливомъ случаѣ и земскій врачъ, занимающійся лѣченіемъ, а не распространеніемъ революціонныхъ брошюръ и, какъ вѣнецъ благополучія,—земскій начальникъ, любовно называемый мужичками „нашъ земскій". Однимъ словомъ, окажется, что если не вся, то большая часть интеллигенціи, соприкасающейся съ сельскою жизнью, дѣйствуетъ на народъ облагораживающе.

Тотъ, кто близко стоитъ къ народной жизни, знаетъ отлично, что не только собраніе такихъ исключительныхъ деревенскихъ дѣятелей, о которыхъ я упомянулъ, но даже одинъ земскій начальникъ, если только онъ стоитъ на высотѣ своихъ обязанностей, можетъ имѣть громадное моральное вліяніе на окружающихъ крестьянъ.

Можно найти, если хорошенько поискать, такія мѣстности, гдѣ и винныя лавки открыты, а о пьянствѣ и помина нѣтъ. Говоря иначе, съ пьянствомъ можетъ и долженъ бороться каждый истинно порядочный общественный дѣятель, близко стоящій къ народу и заслужившій его довѣріе и уваженіе.

Найдите такихъ батюшекъ, сельскихъ учителей, земскихъ начальниковъ, врачей, и если тогда на каждомъ перекресткѣ открыть по винной лавкѣ, пьянства все-таки не будетъ. Закрытіе же этихъ лавокъ среди распившагося населенія прямо безуміе, такъ какъ такая мѣра увеличитъ, а не уменьшитъ пьянство. Вѣдь если среди образованнаго класса, для котораго день и ночь открыты рестораны, не существуетъ, какъ у крестьянъ, повальнаго пьянства, то только потому,

что сдерживающимъ началомъ является культурность этого класса.

Надо теряться учить крестьянина и воспитывать его и не смущаться взятіемъ его подъ опеку.

Да, онъ въ ней нуждается и теперь, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, потому, что онъ дѣйствительно темень и не сознаетъ силы зла, приносимаго ему водкой.

Школа, добросовѣстный сельскій учитель и *истинный* пастырь церкви вотъ главныя силы, которыя въ состояніи побороть народное пьянство, потому что борьба съ нимъ, какъ и съ проституціей, столь же гибельной для народа, какъ и пьянство, можетъ происходить исключительно путемъ поднятія нравственнаго уровня населенія, а отнюдь не репрессивными мѣрами, въ которыхъ видятъ все спасеніе Челышевъ и его единомышленники.

Неужели эта соціальная азбука ими еще не усвоена?

Г. Лохтинъ (Варшавскій Дневникъ № 195—1909 г.) пользуясь статистическими данными о количествѣ потребляемаго въ разныхъ странахъ спирта, приходитъ къ тому выводу, что „общераспространенное убѣжденіе, будто русскій народъ пьяница,—клевета, которую мы сами стараемся распространять, не умѣя разобраться въ этомъ дѣйствительно великомъ нашемъ вопросѣ и огульно валя на народъ такія обвиненія, которыхъ онъ вовсе не заслужилъ".

Какъ человѣкъ, выросшій въ деревнѣ (Новгородской губ.) и, такъ сказать, поневолѣ наблюдавшій крестьянскую жизнь въ теченіе двадцати лѣтъ, а затѣмъ добровольно и сознательно изучавшій ее, будучи въ должности управляющаго казенною палатою, сначала въ одной изъ центральныхъ губерній, теперь же въ Царствѣ Польскомъ, я позволю себѣ высказать по этому вопросу, а вѣрнѣе по поводу приведеннаго мною заключенія г. Лохтина, нижеслѣдующія соображенія.

Нельзя, конечно, не согласиться съ авторомъ статьи, что русскій народъ не заслужилъ названія пьяницы, такъ какъ по ходячему понятію „пьяница" — это забулдыга, бездѣльникъ, лѣнтяй, только и думающій

о томъ, чтобы пропить послѣднюю копѣйку, а потому того, кто называетъ народъ пьяницей въ общепринятомъ смыслѣ, безусловно можно причислить къ категоріи клеветниковъ. При этомъ нельзя всетаки совсѣмъ игнорировать и тотъ фактъ, что въ Г. Думѣ представители отъ крестьянъ свидѣтельствовали, въ качествѣ знающихъ русскій народъ, что мужикъ способенъ пропить и лошадь и телѣгу...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя, казалось бы, отрицать что, за исключеніемъ старообрядцевъ, магометанъ и нѣкоторыхъ сектантовъ, не пьющихъ вина въ силу религіозныхъ убѣжденій, русскій крестьянинъ не только любитъ водку, но и пить ее любитъ не зря, а имѣя для того, такъ сказать, благородный предлогъ, а потому и не пропускаетъ ни одного случая, чтобы не выпить „какъ слѣдуетъ“. А этихъ случаевъ у него хоть отбавляй!

Имѣйте въ виду всѣ сговоры, свадьбы, крестины (все это празднуется часто по нѣсколько дней), проводы на военную службу, возвращеніе съ нея и, наконецъ, сельскіе сходы, на которые выставляетъ ведра водки и тотъ, кто желаетъ чтобы его выбрали, и тотъ, кто желаетъ освободиться отъ выборной должности. Къ этому надо прибавить несчетное число праздниковъ, такъ какъ помимо тѣхъ изъ нихъ, которые отмѣчаются въ календаряхъ красными цифрами, русскіе крестьяне имѣютъ еще цѣлый рядъ своихъ праздничныхъ дней, въ которые они обязательно напиваются.

Сосѣдство съ винной лавкой ни мало не смущаетъ и не соблазняетъ крестьянина до тѣхъ поръ, пока не явится благовидный предлогъ заглянуть въ нее. Но если предлогъ явился, онъ будетъ пить, какъ говорится, до положенія ризъ.

И если сосчитать всѣ эти общіе и „мѣстные“ праздники и прочіе благопріятные предлоги, то тогда навѣрно окажется, что у русскаго крестьянина въ году болѣе сотни поистинѣ пьяныхъ дней и изрядное число полупьяныхъ, къ категоріи которыхъ принадлежатъ мелкія ярмарки, всегда оканчивающіяся попойками, прекрас-

но описанными Некрасовымъ въ стихотвореніи „Пьяная ночь". Все это, мнѣ кажется, нельзя отнести къ „огульнымъ обвиненіямъ". Напротивъ того, это та горькая правда, благодаря которой и заговорили о пьянствѣ въ Г. Думѣ люди, живущіе среди народа.

„Какъ же связать существованіе общепризнаннаго ужаснаго народнаго недуга алкоголизма съ цифрами, указывающими на то, что въ Россіи пьютъ въ 4 — 8 разъ меньше, чѣмъ въ другихъ государствахъ", спрашиваетъ г. Лохтинъ, указывая, что по статистическимъ свѣдѣніямъ во Франціи, напримѣръ, безводнаго спирта въ среднемъ приходится въ годъ на душу 20,6 градусовъ, а въ Россіи всего лишь 2,67 градусовъ? Я полагаю, что эта цифра изображаетъ только кажующуюся трезвость русскаго народа,

Прежде всего позволю себѣ замѣтить, что она, эта цифра 2,67 гр., неправильно опредѣляетъ дѣйствительное количество вина на одну душу населенія, такъ какъ изъ этого послѣдняго необходимо исключить довольно значительную часть, какъ я упомянулъ выше, старообрядцевъ, магометанъ и сектантовъ, вовсе не пьющихъ вина. Несомнѣнно, что послѣ исключенія ихъ, цифра 2,67 увеличится въ нѣсколько разъ.

Затѣмъ необходимо имѣть въ виду, что французы хотя и выпиваютъ въ годъ въ восемь разъ больше алкоголя, но пьютъ они этотъ алкоголь, во-первыхъ, равномѣрно, а во-вторыхъ—въ разбавленномъ состояніи, т. е. въ видѣ вина, а потому и не напиваются до пьяна. Они являются, такимъ образомъ, какъ бы привычными пьяницами, тогда какъ русскіе крестьяне пріурочиваютъ потребленіе алкоголя къ отдѣльнымъ случаямъ и вводятъ его въ организмъ въ видѣ экстракта — водки, а потому и напиваются; напившись-же, они не въ силахъ остановиться, пока не свалятся.

Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію моему, являются болѣе наглядными данныя доктора Бильца, который („Новые естественные способы лѣченія", переводъ С. А. Алексѣева, т. III стр. 178) сообщаетъ, что французъ въ среднемъ выпиваетъ въ годъ 115 литровъ вина и 2,2

литра водки, а русскій 4 литра вина и 25 литров водки.

Такимъ образомъ, по мнѣнію моему, необходимо признать, что русскій простой народъ пьетъ не равномѣрно и часто напивается до пьяна вслѣдствіе того что потребляетъ алкоголь въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ остальные народы, причемъ онъ самъ создаетъ себѣ предлоги для пьянства.

Нашъ народъ, конечно, не пропойца, какъ его рисовали въ Г. Думѣ во время обсужденія вопроса о крестьянской собственности, но тѣмъ не менѣе вслѣдствіе частаго опьяненія, его нельзя назвать народомъ трезвымъ, несмотря на нѣкоторые пріятные выводы статистики, на которые ссылается г. Лохтинъ.

Нельзя, конечно, сгущать краски, говоря о пьянствѣ русскаго народа, но непростительно и утѣшать себя на счетъ мнимой его трезвости.

Болѣе сложнымъ является вопросъ о томъ, почему раззилось у насъ пьянство, такъ какъ отъ правильнаго рѣшенія этого вопроса зависитъ и борьба съ алкоголизмомъ.

Я полагаю, что это пьянство развилось на почвѣ нужды. Затѣмъ, вслѣдствіе отсутствія нравственнаго воздѣйствія на крестьянъ и полной невозможности развлекать себя болѣе или менѣе культурнымъ образомъ они стали искать забвенія своей нужды въ водкѣ.

Дайте русскому крестьянину возможность отдыхать душою при нормальныхъ условіяхъ жизни, возвысьте его нравственно, и онъ самъ перестанетъ искать счастья въ монопольной лавкѣ. Всякія же репрессивныя мѣры, въ которыхъ видитъ все спасеніе деп. Челышевъ, не уменьшатъ пьянства среди народа, но за то я полагаю, научатъ его болѣе совершенному тайному корчемству.

Вмѣсто заключенія.

Просматривая настоящую брошюру и вспоминая что данныя, касающіяся указанныхъ въ ней недуговъ

деревни, относятся къ 1897 и 1898 г. г., читатель, быть можетъ, скажетъ, что за 12-13 лѣтъ русская деревня значительно измѣнилась, а потому и разсужденія, основанныя на „устарѣвшихъ“ данныхъ, не могутъ соотвѣтствовать дѣйствительности.

Да, многое измѣнилось въ русской деревнѣ, но главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что недостатки ея увеличились, достоинства же, благодаря смутѣ, понизились, а потому вѣроятно много деревень изъ разряда „темныхъ“ перешли въ разрядъ своеобразно „цивилизованныхъ“. Частная задолженность деревни несомнѣнно возросла, ибо деревенскіе ростовщики не сдѣлались добрѣе, а крестьяне не сдѣлались богаче. Не сдѣлались гуманнѣе и тѣ работодатели, которые 12 лѣтъ тому назадъ эксплоатировали крестьянскую нужду, такъ какъ за все это время не было сдѣлано ничего такого, что способствовало бы подобному ихъ перерожденію, а потому и условія найма на работы и условія аренды не стали лучше. Напротивъ того народные представители неоднократно указывали въ третьей Г. Думѣ на то, что арендовать землю крестьянамъ становится годъ отъ году тяжелѣе, а безъ аренды малоземельному хоть пропадай.

Допуская, такимъ образомъ что деревня 1898 года многимъ отличается отъ деревни 1910 года, все же необходимо признать, что это отличіе заключается лишь въ томъ, что крестьяне въ нравственномъ и экономическомъ отношеніи стоятъ на нѣсколько ступеней ниже, нѣмъ стояли въ 1898 году. Что же касается недуговъ деревни, о которыхъ упоминается въ настоящей брошюрѣ, то, если бы даже и ни одинъ изъ нихъ не существовалъ теперь, все же они не могли не оставить на укладѣ жизни крестьянъ замѣтныхъ слѣдовъ и чтобы изгладить эти слѣды, необходимо подробно знать прошлое деревни, которое какъ тяжелая наслѣдственная болѣзнь, еще долго будетъ отражаться на народнохозяйственномъ организмѣ

ЦѢНА 50 КОП.

Date Due

323.34 S559P 507516
Shpilev
Pravda o Russkoi derevne
DATE ISSUED TO
323.34 S559P 507516

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Pravda o russkoi derevnie.
323.34 S559P
D900789640